

ГОРОД БЕЗ ТЕНЕЙ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Город без теней

<https://litres.ru/74414043>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лея Варн доставляет последние отражения тем, кто должен их получить. Каждая завершённая доставка стирает часть памяти о её собственном лице. Но однажды зеркало умершего адресата называет получателем саму Лею и выводит её к складу тысяч украденных образов.

В Велике тени запрещены: считается, что они крадут секреты. Вместе с лишённым собственной тени инспектором Каем Рессом Лея узнаёт, кому на самом деле выгоден запрет. Чтобы вернуть людям право на их память и молчание, ей придётся бросить вызов Гильдии, пережить город, заговоривший чужими тайнами, и решить, какую цену она готова заплатить — не ради спасителя или возлюбленного, а по собственному выбору.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Адресат умер вчера	5
Глава 2. Инспектор без тени	14
Глава 3. Маршрут под полуденным светом	31
Глава 4. Лицо, которого она не помнит	47
Глава 5. Сестра чинит трещины	62
Глава 6. Секрет без причины	78
Глава 7. Рынок, которого нет на карте	94
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Мара Светланова

Город без теней

От автора

У любого секрета есть не только содержание, но и причина, по которой человек его хранит. Стоит убрать эту причину — и правда легко превращается в оружие.

Эта история выросла из вопроса: что останется от нас, если право на собственный образ объявят угрозой общественной безопасности? Лея Варн живёт в городе, который избавился от теней ради спокойствия. Она доставляет последние отражения и привыкла считать, что хороший курьер не заглядывает внутрь чужого груза. Но однажды сама накладная становится частью кражи.

Здесь магия подчиняется тем же трудным границам, что доверие и близость. Вернуть принадлежащее человеку ещё не значит вернуть бережно. Узнать правду ещё не значит получить право произнести её за другого. А любовь не делает нас владельцами чужого молчания.

Пусть Велин откроется вам постепенно: в бликах витрин, в пустых мостовых полудня и в тенях, которым предстоит научиться говорить не громче своих хозяев.

Глава 1. Адресат умер вчера

Лея Варн всегда проверяла три вещи: замок футляра, имя в накладной и наличие собственного отражения в контрольной пластине.

В то утро замок щёлкнул чисто. Накладная называла Эвена Дора, улицу Медных Балконов, дом девять. А в пластине Лея увидела женщину с тёмными волосами, серым дорожным плащом и слишком серьёзным ртом.

Она знала, что это её лицо. Не помнила — знала.

Разница появилась после сорок седьмой доставки. Раньше отражение отзывалось изнутри: знакомый изгиб брови, выражение глаз перед смехом, ямка у подбородка, которую мать называла следом большого пальца. Теперь Лея узнавала себя так же, как диспетчера Сену или булочника у Восточной арки: по набору признаков.

Она подняла два пальца. Женщина в пластине повторила.
— Получатель, — сказала Лея.

— Эвен Дор, — ответила Сена Коль, не поднимая головы от журнала.

— Адрес.

— Медных Балконов, девять, четвёртый этаж. Место завершения — северное окно.

— Отправитель.

Сена наконец посмотрела на неё.

— Закрыт по воле владельца образа.

— Печать добровольности?

— Слева от петли.

На серебряном футляре стояла белая печать: открытый глаз, перечёркнутый тонкой линией. Образ оставлен добровольно, содержание не предназначено курьеру, адресат вправе отказаться. Всё как полагалось.

И всё же Сена держала ладонь на журнале чуть дольше обычного.

— Что не так?

— Ничего.

— Ты учила меня, что «ничего» в курьерской станции означает потерянную страницу или труп.

— Страница на месте.

— Значит, труп.

Сена закрыла журнал. Ей было пятьдесят два, и половину жизни она распределяла маршруты так, будто город состоял из её нервов. Ошибки Сены происходили редко и всегда выглядели как чужой умысел.

— Получатель умер вчера вечером, — сказала она.

Лея не взяла футляр.

— Тогда доставка закрывается.

— Обычно.

— По правилу восемь. Если адресат умер до вручения, образ возвращается владельцу или в закрытое хранение.

— В накладной есть посмертное место завершения.

— Северное окно — не кладбище и не место, где он считал себя увиденным.

— Поэтому ты пойдёшь. Проверишь адрес, не откроешь зеркало и вернёшь груз при несоответствии.

— Почему накладную не остановили после регистрации смерти?

— Потому что её оформили сегодня на рассвете.

За окнами станции Велин уже заливало белым верхним светом. Фонари висели над каждой улицей и двором. Их матовые чаши не оставляли на мостовой ни одного тёмного силуэта. Человек мог стоять под ними в полдень и не иметь тени.

Закон называл это безопасностью.

Лея снова прочла дату. Сегодня. Три часа после смерти получателя.

— Кто принял заказ?

— Ночная смена. Подпись смазана.

— Я верну его сейчас.

— Тогда гильдия назначит другого курьера, менее любопытного.

Сена редко предупреждала прямо. Лея коснулась холодного футляра.

Внутри хранился последний образ человека — не обязательно лицо в минуту смерти. Люди оставляли то, что хотели передать: улыбку до болезни, взгляд перед отъездом, молчание, которое не сумели разделить при жизни. Зеркало ждало

адресата. Когда тот принимал образ в выбранном месте, серебряный слой тускнел, а память становилась его собственной.

Курьер платил связью между отражением и дорогой. После завершения Лея забывала одно воспоминание о своём лице. Не событие целиком: только себя внутри него. Она помнила выпускной плащ, руки Миры на плечах, запах горячего воска — но место, где должно было быть её отражение в окне, оставалось пустым.

Сорок семь доставок позволили скопить треть цены независимого маршрута. Ещё сто двадцать — и ей не понадобится гильдейская комната, чужое расписание и право Сены решать, какая опасность достойна объяснения.

— Четыре ставки и копия ночной накладной, — сказала Лея.

— После возврата.

Она протянула запястье. Сена застегнула курьерскую цепь и присоединила её к футляру. Теперь замок открывался только у места завершения, на станции или после смерти курьера. Последнее правило не произносили перед дорогой.

— Не смотри внутрь, — сказала Сена.

— Я никогда не смотрю.

— Сегодня особенно.

На улице верхний свет делал лица плоскими. Велин строили для теней: узкие проходы, глубокие арки, мосты между этажами. После Ночи Разглашения город не перестроили —

его залили светом. Под каждой крышей протянули отражающие нити. Сумрак считался неисправностью, а тёмное пятно — поводом вызвать инспектора.

Лея пошла через Стекольный мост. На первой проверочной арке цепь засветилась зелёным. На второй — тоже. У третьей свет стал жёлтым.

Она остановилась.

Жёлтый означал изменение адресной нити. Получатель мог перенести место вручения, если был жив и держал парную пластину. Мёртвый Эвен Дор только что повернул зеркало на запад.

Лея сошла под навес торговца пуговицами. У её ног появилась узкая тень.

Не её.

Верхние фонари горели ровно. Тень лежала поперёк света, длинная, мужская, с поднятым воротником. Она начиналась у футляра и пошевелила пальцами.

— Цепь регистрирует вмешательство, — тихо сказала Лея.

Тень подняла руку к губам.

Молчать.

Лея отступила на свет. Силуэт прилип к подошве, растянулся и исчез. Цепь снова стала зелёной.

— Позвать инспекцию? — спросил торговец.

— Неисправность адресной нити. Я отмечу на станции.

За сокрытие тени лишали лицензии. Но инспекция среза-

ла их на месте, а удар светового ножа мог повредить память внутри футляра.

Дом девять стоял в конце улицы Медных Балконов. На двери висела траурная лента. Под ней — свежая печать Инспекции: помещение проверено, затемнений не обнаружено.

Лее открыла пожилая женщина с красными от бессонницы глазами.

— Доставка для Эвена Дора.

— Вы опоздали.

— Я знаю о смерти. Кто вы?

— Нала Дор. Его сестра.

— Вы оформляли посмертное место завершения?

— Никакого зеркала я не заказывала. Эвен боялся зеркал.

Цепь стала тёплой. Внутри футляра что-то повернулось.

— Северное окно в его комнате?

Нала кивнула.

— Войдёте одна. Инспекторы вчера всё перевернули.

— Почему приходили?

— Сказали, у него нашли тень. Не нашли. Но после их ухода Эвен умер.

По правилу курьер не расследовал смерть и не задавал вопросов вне доставки. Лея мысленно повторила это правило.

— Кто сообщил о тени?

— Не знаю.

— Причина смерти?

— Сердце. Ему было сорок.

Комната Эвена находилась на четвёртом этаже. Верхние фонари горели даже внутри. Северное окно выходило не на кладбище, а на глухую стену Зеркальной гильдии.

В стекле Лея увидела своё отражение. За её левым плечом стоял мужчина с поднятым воротником.

Она обернулась. Комната была пуста. В окне мужчина остался. Худое лицо, тёмные волосы, шрам у виска. Он смотрел на футляр.

— Нала, не входите. Вызовите инспектора. Скажите: отражение без тела, возможная отделённая тень, груз запечатан.

Шаги сестры стихли на лестнице.

Лея поставила футляр на подоконник. Адресная нить загорелась белым. Место признано верным.

— Ты адресат? — спросила она.

Мужчина в стекле покачал головой.

— Тогда доставка не состоится.

Лея нажала возвратную скобу.

Замок открылся. Он не имел права открыться без адреса-та.

Крышка приподнялась на ширину пальца, комнату залил серебряный свет. Внутри были не лицо Эвена, а десятки отражений, наложенных друг на друга. Мужчины, женщины, дети смотрели в разные стороны. У каждого за спиной стояла тень.

Все тени повернули головы к Лее.

Она захлопнула крышку. Цепь обожгла запястье и стала чёрной.

На стене гильдии вспыхнуло окно. Из него протянулась тёмная полоса, пересекла улицу и вошла сквозь стекло комнаты. Мужчина в отражении отделился от окна. Теперь он стоял на полу — плоский, без лица, но со шрамом, обозначенным светлой прорезью.

Тень коснулась футляра.

— Не трогай.

Лея ударила возвратную скобу. Вместо запечатывания зеркало заговорило незнакомым голосом.

— Лея Варн.

Последний образ не мог знать курьера. Накладная создавалась до назначения маршрута.

— Кто оставил тебя?

— Доставить той, которой больше нет.

— Назови адресата.

— Лея Варн.

Тень накрыла замок ладонью. Цепь ослабла, словно узнала владельца.

На лестнице загремели сапоги.

— Инспекция! Не двигаться!

Тень сорвала цепь. Чёрное звено прошло сквозь запястье холодом, футляр исчез из рук Леи и скользнул в оконное стекло.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял тот самый мужчина: высокий, в чёрной форме инспектора, со шрамом у виска. Только на полу за ним не было тени.

Он увидел пустые руки Леи и движение в стекле.

— Где зеркало?

— Ваша тень его украла.

Инспектор вытащил световой нож.

— У меня нет тени.

В окне за его спиной плоский силуэт прижал футляр к груди и поклонился Лее.

Потом стекло стало обычным.

Глава 2. Инспектор без тени

Световой нож в руке инспектора гудел так тихо, что звук хотелось принять за звон в ушах.

Лея не двигалась. Чернота на разорванной курьерской цепи остывала, оставляя на запястье узор из мелких ромбов. Нала Дор застыла за плечом мужчины; на лестнице теснились ещё двое инспекторов в белых защитных накидках.

— Повторите, — сказал человек со шрамом.

— Ваша тень украла мой груз.

— У меня нет тени.

— Это я уже заметила.

Он перевёл лезвие ниже, но не убрал. Вблизи сходство с фигурой в окне было точным: высокий воротник, прямой нос, светлая нить шрама от виска к скуле. Только настоящий мужчина был объёмным, тёплым и очень злым.

— Имя.

— Лея Варн, старший курьер третьего маршрута. Номер лицензии — семьсот сорок два.

— Инспектор Кай Ресс. Ладони на виду.

— Они и так на виду.

— Тогда вам нетрудно будет оставить их там.

Он вошёл в комнату боком, не заслоня дверной проём напарникам. Один установил на пороге складной фонарь, второй провёл серебряной рамкой вдоль стен. Там, где луч

касался пола, доски белели до древесных жилок. Ни одного тёмного пятна.

— Где футляр? — спросил Ресс.

— В стекле.

— Стекло цело.

— Было бы удобнее, если бы тени соблюдали устройство вещества.

— Было бы удобнее, если бы курьеры соблюдали правила перевозки.

Лея показала запястье.

— Цепь сорвана без открытия замка. Сделать это могла связанная с грузом сторона или владелец признанного ключа.

Кай посмотрел на чёрное звено. На миг его лицо стало неподвижным, как лицо человека, которому назвали давно ожидаемый диагноз.

— Курьер тоже признанная сторона.

— Я не могу пройти сквозь окно.

— Зато можете передать футляр сообщнику и придумать красивое объяснение.

Нала шумно вдохнула.

— Она никуда его не передавала. Я стояла на лестнице. Потом в комнате стало светло, будто здесь зажгли второе солнце.

— Госпожа Дор, выйдите, — приказал Кай.

— Это дом моего брата.

— И место возможного теневого заражения.

— Вчера вы уже проверяли его. Через час он умер.

Младший инспектор у рамки опустил глаза. Кай не отвёл взгляда от Налы.

— Именно поэтому вам следует выйти.

— Чтобы сегодня умер кто-нибудь ещё?

Лея сделала шаг между ними. Световой нож сразу поднялся.

— Не усугубляйте, курьер.

— Тогда внесите слова хозяйки в протокол и выдайте ей корешок. Иначе она останется.

— Вы не в том положении, чтобы ставить условия.

— Зато госпожа Дор — в том. Без её согласия вы можете провести только аварийную световую проверку. Вы её уже провели.

Правило относилось к гильдейским доставкам, а не к расследованиям Инспекции, но Лея знала, что Кай не станет спорить при свидетеле, пока сам не выбрал основание для обыска.

Он убрал нож. Младший инспектор достал бланк, записал показания Налы и оторвал корешок. Только получив его, она вышла. На площадке осталась стоять так близко к двери, как позволяла белая линия оцепления.

— Теперь ваши ладони на подоконник, — сказал Кай.

Лея подчинилась. Он снял с пояса катушку тонкой зеркальной ленты и обмотал ей её запястья. Лента не связывала

движения, зато запоминала прикосновения. После этого Кай проверил карманы плаща, курьерский пояс и пустой чехол для накладных.

— Оригинал накладной был в футляре? — спросил он.

— Под крышкой.

— Копия?

— На станции.

— Кто назначил маршрут?

— Диспетчер Сена Коль.

— Она знала, что Эвен Дор умер?

— Да.

— И всё же отправила вас.

— Для проверки места завершения и возврата груза.

— Замок открылся.

— Сам.

— Замки сами не открываются.

— Тени сами не крадут зеркала, инспекторы сами не ходят без теней, мёртвые сами не меняют адрес. Сегодня у вещей дурное настроение.

Кай приблизился. У него были серые глаза, но по краю радужки шло тёмное кольцо, отчего взгляд казался нарисованным углём.

— Мёртвый изменил адрес?

Лея рассказала о жёлтом сигнале на третьей арке и мужском силуэте у футляра. Не рассказала лишь, как долго выбирала между законом и сохранностью образа. Это следова-

ло оставить для гильдейского разбирательства, где у неё хотя бы будет защитник.

— Почему не вызвали нас сразу?

— Я не знала, отделённая ли это тень или помеха адресной нити. Удар световым ножом рядом с последним образом мог уничтожить память отправителя.

— Зато теперь образ похищен.

— Вашей тенью.

Кай отвернулся к окну. На полу под ним по-прежнему ничего не было. Верхний свет лился из чаши у потолка почти отвесно, однако ножки стула и край подоконника оставляли тонкие серые следы. Человек не мог не отбрасывать тень полностью. Даже после законного отделения сохранялся бледный остаток — немая оболочка без воли и секрета.

У Кая не было и её.

— Когда её срезали? — спросила Лея.

Комната замолчала. Инспектор у порога перестал записывать.

Кай обернулся.

— Вас допрашивают, госпожа Варн.

— Тогда занесите мой вопрос в протокол. Это важно для происхождения ключа, которым открыли цепь.

— Моя тень конфискована шесть месяцев назад.

— По решению суда?

— По служебному предписанию.

— Хранится где?

— Не ваше дело.

— Если она только что унесла мой футляр, то именно моё.

Он едва заметно сжал челюсть. Лея поняла, что попала не в тайну, а в рану, которую этот человек привык защищать формой.

Младший инспектор у стены кашлянул.

— Господин Ресс, здесь след перехода.

На оконном стекле проявилась тонкая чёрная дуга, похожая на волос подо льдом. Рамка заставила её светиться фиолетовым. Кай присел, не касаясь находки.

— Направление?

— Из комнаты в отражающий слой. Обратного следа нет.

— Человек мог провести предмет?

— Только плоский отпечаток. Футляр не должен был пройти.

— Но прошёл, — сказала Лея.

Кай велел снять образец. Инспектор подцепил дугу стекляннной иглой и запалял в прозрачную ампулу. Внутри чёрная нить дёрнулась в сторону Кая.

Все увидели.

Он медленно протянул руку в перчатке. Нить прижалась к стенке ампулы, следуя за его пальцами.

— Родственный отклик, — прошептал младший.

— Запишите: вероятный отклик, — поправил Кай.

— Она узнала вас, — сказала Лея.

— Остаток мог запомнить первого следователя на месте

смерти Дора.

— Вы были здесь вчера?

Ответила не она и не напарник. За дверью произнесла Нала:

— Нет. Вчера приходили другие.

Кай закрыл глаза на один короткий удар сердца.

— Свидетелю велено выйти.

— Свидетель стоит у себя дома, — ответила Нала.

Лея почти улыбнулась. Отражение в тёмном экране выключенной рамки улыбаться не стало — просто шевельнуло губами, чужое и запоздавшее. Радость погасла прежде, чем успела закрепиться.

Кай забрал ампулу у подчинённого.

— В управление. Курьера — отдельно.

— Я сначала опечатаю место несостоявшейся доставки.

— Вы задержаны.

— Я отвечаю за груз, пока гильдия письменно не примет утрату. Без моей печати вы не получите доступ к маршрутному следу.

— Получим по запросу.

— Через три дня. След зеркала остынет через шесть часов.

Это было правдой не вполне. Обычный маршрутный след держался сутки. Но после принудительного разрыва цепи — иногда час, иногда неделю; предсказать мог только курьер, который чувствовал температуру звеньев.

Кай посмотрел на ожог у неё на руке.

— Сколько осталось?

— Четыре часа. Если повезёт.

— Вы только что сказали шесть.

— Пока мы спорили, стало четыре.

Он велел принести печать.

Лея отметила на оконной раме четыре точки: адресат отсутствует, воля отправителя не подтверждена, груз вскрыт внешним ключом, доставка прервана. Пятую точку — утрата — она не поставила. Пока зеркало отвечало цепи, оно считалось не утраченным, а находящимся вне рук курьера.

Чёрное звено на запястье едва заметно тянулось на запад.

Она закрыла его рукавом.

В управление Инспекции их везли в световом фургоне без окон. Белые панели сходились так тесно, что внутри не оставалось углов. Кай сел напротив и положил между ними ампулу. Чёрная нить снова прильнула к ближней к нему стенке.

— Вам нехорошо? — спросил он.

— Мне тесно.

— Курьеру, который носит закрытые футляры?

— Футляр закрывает то, что человек добровольно доверил дороге. Эта коробка закрывает дорогу.

— Красивое различие.

— Практическое. В первой ситуации у меня есть ключ.

Он посмотрел на её обмотанные лентой запястья и снял зеркальный фиксатор.

— До прибытия вы не задержанная. Свидетель под контролем.

— Щедро.

— Не путайте исправление процедуры с щедростью.

Лея растёрла руки. Чёрное звено остыло ещё сильнее и по-прежнему тянуло влево — туда, где за стеной фургона проплывали западные кварталы.

— Кто распорядился конфисковать вашу тень?

— Вы настойчивы.

— Мой груз открыл цепь перед ней, как перед владельцем. Либо тень связана с зеркалом, либо кто-то научил её подделывать адресные права. В обоих случаях ваша конфискация — начало маршрута.

— А может быть, вы выбрали моё лицо после того, как увидели служебный знак на двери.

— В отражении я видела шрам до вашего появления.

— Удобная деталь.

— Нала слышала, как я описала вас диспетчеру вызова.

— Она слышала слова «отделённая тень».

— Запись вызова хранит полное сообщение.

Кай ничего не ответил. Фургон остановился.

Управление теней занимало бывший театр. Когда-то зрительный зал гасили перед каждым представлением; теперь с фасада сняли каменных муз, двери заменили матовыми световыми плитами, а внутри не было ни занавесей, ни глубоких ниш. Даже лестницы сделали прозрачными.

Лею провели в комнату дознания. Стол был прикручен к полу под тремя лампами, стоявшими треугольником. На стене висело зеркало служебной записи.

— Смотрите в центр и назовите себя, — велел протоколист.

— Лея Варн.

— Подтвердите добровольность показаний.

— Не подтверждаю. Я доставлена под контролем и не могу уйти.

Протоколист замер с пером над листом.

Кай стоял у двери.

— Запишите ограничение, — сказал он.

— Тогда зеркало не примет показания как свободные.

— Оно и не должно. Нам нужна точность, не удобство.

Лея впервые посмотрела на него не как на препятствие. В доме Эвена он пытался продавить правила, но, когда его поймали на этом, исправил протокол при подчинённых. Небольшой поступок. И всё же люди, привыкшие считать власть своим естественным отражением, так не делали.

Она повторила события от станции до исчезновения футляра. Служебное зеркало показывало их не картиной, а узорами света: белым — уверенность, серым — догадку, красным — намеренный пропуск. Когда Лея умолчала, что заметила тень у третьей арки раньше, чем сообщила Сене, по краю стекла прошла красная искра.

Кай заметил.

— Что вы исключили?

— Профессиональную оценку риска. Я сообщу её гильдейскому защитнику.

— Из-за этой оценки груз оказался похищен.

— Из-за неё тень не получила удар ножом рядом с десятками последних образов.

— Десятками?

— Когда крышка открылась, внутри было много отражений. У каждого — тень.

Протоколист перестал писать.

— Один футляр не удержит больше одного последнего образа, — сказал Кай.

— Поэтому я и не позволила вам уничтожить его на улице.

— Вы знали содержание до открытия?

— Нет.

— Зеркало назвало вас адресатом.

— Да.

— Фраза «той, которой больше нет» могла означать вашу смерть?

Лея увидела в служебном стекле женщину с побледневшими губами. Ответ пришёл быстрее страха.

— Нет. Последний образ не предсказывает будущее. Он мог иметь в виду утраченное имя, статус, память или прежнее решение. Пока мы не вернём футляр, это только перечень возможностей.

— Вы всегда так спокойны, когда зеркало объявляет вас несуществующей?

— Я курьер. Если слушать груз как пророчество, далеко его не унесёшь.

Дверь открылась. В комнату вошла женщина в форме начальника смены и положила перед Каем короткую ленту записи.

— Вызов из дома Дора, — сказала она. — Поступил за минуту до вашего прибытия. Диспетчер успел отметить описание.

Кай вставил ленту в прорезь стола. Голос Леи прозвучал с металлическим шорохом:

— «Мужчина, высокий, поднятый воротник, шрам от правого виска, отделённая тень, груз запечатан».

После паузы Сена спросила:

— «Шрам прямой?»

— «Изогнут к скуле».

Запись закончилась.

Начальница смены посмотрела на Кая, затем на ампулу в его руке. Чёрная нить тянулась к шраму, будто тонкая стрелка.

— Ресс, выйдите.

— Я веду дело.

— Теперь вы связанное лицо.

— Именно поэтому я быстрее найду её.

— И именно поэтому ваши решения будут оспорены.

Он не двинулся.

Лея положила разорванную цепь на стол. Теперь чёрные звенья тянулись не к Каю, а к западной стене. Одно за другим, как стрелки компаса.

— Вы оба теряете время, — сказала она.

Начальница прищурилась.

— Что это?

— Остаточная связь с грузом. Футляр движется или недавно двигался на запад.

— Почему вы не сообщили раньше?

— Потому что тогда инспектор считал меня воровкой. Теперь у него есть запись, образец перехода и направление.

— У нас, — поправила начальница.

— У вас нет маршрутного ключа.

— Вы его лишились.

— Цепь разорвана, но не закрыта. Я чувствую её, пока груз признаёт меня курьером.

Кай наклонился над звеньями.

— Куда на западе?

— Пока только направление. На улице найду ближайшую контрольную арку и сниму продолжение.

Начальница покачала головой.

— Курьер остаётся здесь. Группа поедет с цепью.

— Без меня она станет просто металлом.

— Тогда дождёмся представителя гильдии.

— Через три часа след остынет. Гильдия сначала созовёт

комиссию, чтобы решить, кто виноват. Потом пришлёт человека, который не знает мой маршрут.

— Вы предлагаете отпустить главную подозреваемую с инспектором, чья тень похитила вещественное доказательство?

— Нет. Я предлагаю вернуть мой груз под вашим наблюдением. Если останусь здесь, к полудню у гильдии будет пропавшее зеркало, у вас — пропавшая тень, а у того, кто связал их, — всё необходимое.

Начальница постучала ногтем по столу.

— Ресс отстранён от решений по делу.

— Тогда дайте мне другого инспектора.

Чёрная нить в ампуле внезапно распрямилась. Из стекла донёсся едва слышный скрежет. Она ткнулась в сторону Кая, потом повторила движение на запад.

Лея поняла раньше остальных.

— Его тень зовёт его.

Кай сжал ампулу.

— Или ведёт в ловушку.

— Хорошо, что вы это понимаете.

— Вам всё ещё нужен другой инспектор?

— Мне нужен тот, чья тень откроет проход, и тот, кто способен не перерезать её прежде, чем мы вернём зеркало. Пока это один и тот же человек.

Начальница выругалась без слов — только долгим выдохом.

— Условия, — сказала она. — Ресс не командует группой. Курьер не покидает световой коридор без разрешения. При угрозе множественного заражения груз изымается, даже если будет повреждён.

— Последнее не принимаю, — сказала Лея.

— Тогда останетесь здесь.

— Изъятие допустимо. Уничтожение — только после проверки числа образов и риска рассеивания.

Кай посмотрел на начальницу.

— Это разумно.

— Вас не спрашивали.

— Поэтому моё согласие ничего вам не стоит.

Она поставила на протоколе служебную печать.

— Два часа. Западные арки, закрытая станция и обратно. Если след уйдёт в Нижнюю ночь, не входить. Если тень заговорит, никто не отвечает ей и не повторяет услышанное. Ресс, световой нож сдайте.

Кай снял оружие с пояса и положил на стол. Без ножа и без тени он выглядел не слабее, но честнее: опасность больше не пряталась за должностью.

На выходе Лея задержалась у служебного зеркала. Оно вернуло ей тёмные волосы, серый плащ и чужое серьёзное лицо. Она подняла руку к щеке. Женщина в стекле сделала то же самое.

Кай остановился рядом, не приближаясь.

— Вы проверяете, не исчезли ли ещё?

— Проверяю, не врёт ли зеркало.

— И как?

— Пока врёт убедительно.

Он не спросил, что она имеет в виду. За это Лея была ему почти благодарна.

У западного выхода им выдали два белых плаща и переносной фонарь. Группа ждала во дворе: четверо инспекторов под командованием начальницы смены. Разорванная цепь в руке Леи повернулась к старым кварталам.

— Там закрытая курьерская станция, — сказала она. — Седьмая. Её вывели из маршрутов после Ночи Разглашения.

— Все входы заварены, — ответил Кай.

— Для людей.

Ампула в его ладони почернела. Нить внутри сложилась в плоскую ладонь и прижала палец к тому месту, где у неё должны были быть губы.

Молчать.

Кай побледнел, но не отвернулся.

— Это она? — спросила Лея.

— Да.

Первое честное слово, которое он сказал о своей тени, оказалось короче её имени.

— Тогда договоримся сейчас, инспектор. Вы помогаете вернуть зеркало. Я помогаю вернуть вашу тень, если она сама согласится и если её не уничтожат без проверки. Ни один из нас не присваивает груз другого.

— Тень не груз.

— Хорошее начало.

— А зеркало принадлежит гильдии.

— Нет. Футляр принадлежит гильдии. Образы — тем, кто их оставил. Разницу вам придётся запомнить.

Кай посмотрел на запад, где над крышами стоял безупречный белый день.

— Два часа, Лея Варн.

— Четыре ставки, Кай Ресс.

— Что?

— Столько мне обещали за доставку. Если вы хотите командовать моим маршрутом, будете знать его цену.

Цепь дёрнулась. Где-то за освещёнными улицами тень потащила украденные лица к станции, которой не существовало на новых картах.

Лея пошла первой.

Глава 3. Маршрут под полуденным светом

Полдень в Велине был временем, когда город особенно старательно притворялся, что у него нет изнанки.

Верхние фонари горели вместе с солнцем. Свет отражался от белёных карнизов, медных крыш и нитей, протянутых между домами. Под ногами прохожих лежали только короткие серые пятна от каблуков. Ни одна тень не повторяла походку человека целиком.

Лея вышла из двора Инспекции и подняла разорванную цепь. Чёрные звенья повернулись к улице Красильщиков.

— Прямой путь к Седьмой станции идёт через площадь Согласия, — сказала начальница смены. — Двенадцать минут.

— Поэтому мы туда не пойдём.

— У нас два часа, курьер.

— У того, кто украл зеркало, тоже. На площади четыре контрольные арки. Если тень прошла через них с грузом, каждая записала бы нарушение.

Кай взглянул на плоскую схему световых линий, которую держал один из инспекторов.

— Ни одного сигнала после десяти сорока.

— Значит, она выбрала старый маршрут доставки. Он

длиннее, зато обходит арки.

— Таких проходов нет на городской схеме.

— На городской — нет.

Лея свернула в переулок между красильней и лавкой траурных лент. Командир группы окликнула её, но Кай пошёл следом. Остальным пришлось догонять.

Переулок упирался в стену. Под слоем белой краски проступали очертания заложенной двери.

— Тупик, — сказал молодой инспектор с ампулой.

— Для людей, — напомнила Лея.

Она нащупала под подоконником ржавый крюк и потянула. Сверху опустилась узкая зеркальная пластина, почти прозрачная от времени. Когда-то курьер ставил перед ней футляр, и отражение поворачивало замок с другой стороны стены. Теперь механизма не было, но цепь в руке Леи дрогнула и вытянулась к пластине.

— Проходила здесь, — сказала она.

Кай приблизил ампулу. Чёрная нить внутри свернулась кольцом.

— Когда?

— Меньше часа назад.

— Откуда вы знаете?

— Пластина ещё помнит вес футляра.

Начальница коснулась рамы измерителем.

— Холодная.

— Зеркальный след не тепло.

— Тогда что?

Лея задумалась, как объяснить человеку без курьерской цепи ощущение чужого маршрута.

— Намерение дойти до адресата. Пока доставка не завершена, оно цепляется за всё, что помогло дороге.

— Намерение не измеряется, — сказала начальница.

— Однако привело вас к этой стене.

Кай провёл ладонью по кирпичам.

— За ней старый служебный двор. Вход с параллельной улицы.

— Далеко?

— Для нас — пять минут. Для тени — толщина стены.

Они обогнули квартал. Во дворе пахло мокрой шерстью и щёлоком. Между рядами простыней тянулись безопасные серые полосы — слишком слабые, чтобы вместить отделённую тень. Лея шла, следя за цепью. Та указывала то на водосток, то на окна, то на полированные тазы прачек.

— Она перескакивает между отражениями, — сказала Лея.

— Так тени не умеют, — ответила начальница.

— Эта умеет открывать курьерские замки.

Кай остановился у таза, полного мыльной воды. На поверхности дрожал белый прямоугольник неба. Ампула в его руке помутнела.

— Световую сетку над двором усиливали после закрытия Седьмой станции, — сказал он. — Отражающие нити схо-

дятся у северного желоба. Между импульсами остаётся разрыв в одну восьмую секунды.

— Для человека мало.

— Для тени достаточно.

Он поднял голову. Лея различила под крышами тонкие серебряные струны. Они вспыхивали по очереди, передавая свет от фонаря к фонарю. Вся система казалась непрерывной, если не знать, куда смотреть.

— Вы видите паузы? — спросила она.

— Я их проверял.

— Все?

— Половину западного округа.

— Инспектор без тени проверяет, достаточно ли света у чужих ног.

— Именно инспектор без тени знает, что свет не равен безопасности.

Он произнёс это без вызова. Лея не нашла ответа, который не был бы жестоким.

Кай указал на ряд окон. В каждом отражалась следующая световая нить. Если смотреть под нужным углом, получалась ломаная дорога: таз, стекло прачечной, медная вывеска, окно верхнего этажа, желоб.

— Её маршрут, — сказал он.

— Не весь. Зеркальный футляр тяжёлый для плоского перехода. Ей нужно было останавливаться там, где старые замки принимают груз.

Лея подошла к прачке, выжимавшей простыню.

— Здесь раньше была курьерская метка?

— Была лавка писем для мёртвых, — ответила женщина.

— Закрыли давно.

— Осталась серебряная скоба?

Прачка кивнула на каменную тумбу под тазами. Лея присела и нашла под известью узкую щель. Разорванная цепь прилипла к ней.

На чёрных звеньях выступили буквы.

С — 7.

— Седьмая станция, — прочитал молодой инспектор.

— Не адрес, — сказала Лея. — Пересылочная отметка.

Тень оформила груз как невручённый и передала следующему участку.

— Она пользуется вашей системой лучше вас, — заметила начальница.

— Она пользуется старой системой. Той, которую гильдия якобы уничтожила.

Лея выпрямилась. В детстве Мира рассказывала ей, что Седьмая станция сгорела в Ночь Разглашения. Позже, во время обучения, наставник называл другую причину: опасное смешение адресных нитей. Официальный справочник ограничивался словами «закрыта за ненадобностью».

Три объяснения одного здания обычно означали, что правду заперли внутри.

— Вы знали об отметке? — спросил Кай.

— Нет.

— Но узнали её сразу.

— Курьерские знаки складываются из номера и назначения. Я умею читать.

— Иногда это редкий навык в гильдиях.

— А иногда — в инспекциях.

Начальница оборвала их:

— Дальше куда?

Цепь указывала на желоб. Кай велел группе перекрыть выходы со двора, затем подошёл к стене и снял белый плащ.

— Что вы делаете? — спросила Лея.

— Проверю северную линию сверху.

— Без защитного плаща?

— Он отражает свет и закрывает рисунок импульсов.

— А если ваша тень вернётся?

— Тогда вы получите доказательство быстрее.

Он взялся за пожарную лестницу.

— Ресс, вы отстранены от самостоятельных действий, — сказала начальница.

— Я остаюсь в поле зрения группы.

— Это зависит от высоты крыши.

Лея обвязала свободный конец цепи вокруг запястья и полезла следом.

— Варн!

— Он не знает старых курьерских меток.

— Вы тоже остаётесь в поле зрения!

— Зависит от высоты крыши, — повторила Лея.

Кай оглянулся сверху. В уголке его рта возникло движение, которое могло быть неодобрением или улыбкой. Лея не успела решить: он перелез через карниз.

Крыша была горячей. Белая краска слепила, медные швы обжигали ладони. Над ними висели чаши фонарей; между ними пробегали молочные вспышки.

Кай поднял три пальца.

— На третий импульс пригнитесь.

— Почему?

— Линия считает головы. Лишняя остановит сеть и вызовет блокировку.

— А на третий не считает?

— На третий сверяет фонари друг с другом.

Он дождался вспышки и побежал. Лея повторила. Свет прошёл над спиной горячей волной. Они укрылись за вентиляционной трубой, где от трубы должна была лежать тень, но вместо неё сиял прямоугольник отражающей пластины.

— Ваша система устроена как нервный человек, — сказала Лея. — Всё время проверяет, не обманывают ли её.

— Потому что её всё время обманывают.

— Кто?

— Те, кому есть что скрывать.

— То есть все.

Кай посмотрел на неё.

— Вы считаете право на тайну безусловным?

— Нет. Я считаю, что условие должен называть тот, чья это тайна, а не тот, кто держит нож.

Следующий импульс погас. Они перебежали к северному желобу.

В его полированной меди отражался двор, только людей внизу не было. Вместо них стояли вытянутые чёрные силуэты. Все смотрели вверх.

Лея замерла.

— Не наклоняйтесь, — прошептал Кай.

— Уже поздно.

Одна из теней в отражении подняла руку. На плече она держала зеркальный футляр.

Цепь рванула Лею вперёд.

Кай поймал её за пояс прежде, чем она ударилась лицом о желоб. Медная поверхность стала жидкой. Чёрные руки потянулись из неё, перебирая воздух плоскими пальцами.

— Отпустите цепь! — крикнул Кай.

— Тогда потеряем груз!

— Тогда вы не провалитесь за ним!

Он удерживал её обеими руками, упираясь сапогами в шов крыши. Там, где должна была лечь его тень, свет остался пустым. Чёрные пальцы на меди метнулись к этому пустому месту.

Ампула на его поясе лопнула.

Нить выскользнула наружу и развернулась полосой. На мгновение у ног Кая появилась тень — неправильная, слиш-

ком длинная, повернувшая голову в сторону, противоположную его взгляду.

Она ударила по рукам в желобе.

Медная поверхность звякнула. Чужие силуэты рассыпались, цепь ослабла. Кай оттащил Лею к трубе.

— Целы?

— Да.

— Это привычка курьера — держаться за груз, пока он не утащит вас в стену?

— Это условие лицензии.

— В лицензии нет требования погибнуть.

— Вы внимательно читали мелкий шрифт?

Она сказала это, чтобы вернуть дыхание. Его ладони всё ещё лежали у неё на талии. Кай заметил одновременно с ней и сразу отпустил, отступив на расстояние вытянутой руки.

— Я схватил вас, потому что вы падали.

— Я поняла.

— Хорошо.

Граница была названа без оправданий и без попытки сделать случившееся чем-то иным. От этого Лея почувствовала себя спокойнее, чем хотела признать.

У сапога Кая шевельнулась тонкая полоса.

— Не наступайте, — сказала она.

Он посмотрел вниз. Освободившийся из ампулы остаток тени прижался к шву крыши. Теперь в нём угадывался профиль со шрамом.

— Это не вся она, — сказал Кай.

— Но часть узнала вас и защитила.

— Или защитила дорогу к станции.

Тень вытянула руку на запад. Потом коснулась его сапога и резко отдёргнулась, будто обожглась.

Кай присел.

— Я не стану тебя резать.

Полоса замерла.

— Мы идём за зеркалом, — продолжил он. — Если приведёшь нас к людям, они останутся под защитой до выяснения. Если нападёшь, группа включит полный свет. Это не угроза, а предел.

Лея слушала с неожиданным вниманием. Инспектор разговаривал со своей тенью так же, как она с опасным отправителем: называл действие, последствия и границу, не требуя доверия заранее.

Тень постучала пальцем по медному шву: дважды, пауза, семь раз.

— Два-семь? — спросила Лея.

Кай покачал головой.

— Второй контур Седьмой станции.

— Откуда вы знаете?

— Инспекция заваривала входы. Я подписывал карту работ.

— Вы сказали, что станция закрыта давно.

— Входы обновляли полгода назад.

Полгода. Тогда же конфисковали его тень.

Лея не задала вопрос. Пока.

Снизу звала начальница. Кай завернул остаток тени в снятый белый плащ, оставив узкую щель света, и они спустились.

— Ампула повреждена при отклике на переход, — доложил он. — Образец сохранился в изоляции.

— Вы называете свой плащ изоляцией? — спросила начальница.

— Пока он держит форму — да.

Она хотела возразить, но цепь в руке Леи снова дёрнулась. Теперь чёрные звенья указывали не на отражения, а вдоль узкого канала под мостовой.

— Второй контур, — сказала Лея. — Старый подземный маршрут.

— Под городом нет тёмных коридоров, — сказал молодой инспектор.

— Конечно, нет. На картах.

Вход нашли в подсобке закрытой бани. Белая плитка скрывала круглую дверцу для доставки угля. За ней шёл низкий тоннель, по дну которого бежала вода. Через каждые десять шагов в потолок были вставлены световые камни.

— Полный строй, — приказала начальница. — Варн в центре.

— Тогда я не увижу меток.

— Ресс впереди, вы за ним.

Кай развернул белый плащ. Остаток тени лежал внутри, как полоска мокрой бумаги. При каждом перекрёстке он открывал край, и тень показывала направление.

Тоннель привёл их к круглому залу под площадью Согласия. Сверху гудели четыре контрольные арки, через которые они не пошли. Внизу под каждой стояло старое зеркало в человеческий рост.

— Вот как она миновала проверки, — сказала Лея. — Не обошла их. Прошла под ними.

— Арки должны охватывать всю глубину фундамента, — ответила начальница.

Кай осмотрел серебряные кабели.

— Кто-то перевёл нижний контур в режим обслуживания.

— Доступ?

— У начальника городской световой службы, двух заместителей и инспектора округа.

— Вы инспектор округа.

— Мой ключ приостановлен после конфискации тени.

— Но не уничтожен, — сказала Лея.

Кай встретил её взгляд.

— Нет.

На оправе ближайшего зеркала белела свежая царапина. Лея приложила цепь. Звенья вспыхнули зелёным, затем одно стало жёлтым.

— Адрес снова изменён.

— Мёртвым Эвеном Дором? — спросила начальница.

— Тем, у кого парная пластина или доступ к накладной.

— Она была внутри футляра.

— Значит, у похитителя есть и то и другое.

В зеркале за спиной Леи появился мужчина со шрамом. Настоящий Кай стоял рядом, но отражение не повторяло его позу. Оно держало футляр обеими руками.

— Не оборачивайтесь, — сказала Лея группе. — Смотрите только в стекло.

Отражение Кая открыло рот.

Звука не было. Губы сложились в два слова.

Не одна.

Потом за ним возникли другие тени — десятки, как внутри похищенного зеркала. Они не бросались вперёд. Они теснились вокруг футляра, будто прикрывали его от чего-то за пределами отражения.

В глубине стекла вспыхнул белый свет. Тени одновременно пригнулись.

Футляр исчез.

По тоннелю прокатился удар. Световые камни в потолке зажглись ярче. Остаток тени в плаще Кая свернулся от боли.

— Выключите контур! — крикнула Лея.

— Нельзя, — ответила начальница. — Мы под площадью.

— Он их сжигает!

— Это защитная система.

Кай уже стоял у распределительного шкафа.

— Ручная заслонка заклинена.

Лея увидела возле зеркала курьерскую скобу — старую, потемневшую, с двумя пазами для цепи. Первый принимал груз. Второй предназначался для аварийного затемнения при вскрытии футляра.

Она вставила разорванные звенья во второй паз.

— Что вы делаете? — спросила начальница.

— Закрываю доставочную комнату.

— Здесь нет комнаты.

— Для старого маршрута есть.

Лея повернула цепь. Цена пришла сразу: в памяти всплыло утро на кухне Миры, пар над чашкой, отражение в медном чайнике — и из него исчезло её лицо. Событие осталось, но женщина напротив сестры стала пустым светлым пятном.

Она подавила крик.

Зеркала вокруг погасли. Световые камни продолжали гореть, однако их лучи больше не проникали в отражающий слой.

Остаток тени расправился.

— Вы заплатили памятью? — тихо спросил Кай.

— Маленькой.

— За чужие тени?

— За груз.

Он понял, что она не скажет больше при группе.

На тёмном стекле проявилась карта: старые маршруты расходились от площади, как трещины. Одна линия светилась серебром и уходила к прямоугольнику с цифрой семь.

Рядом стояла отметка второго контура.

— Теперь у нас путь, — сказала Лея.

— И сколько осталось времени? — спросила начальница.

Цепь остыла почти до онемения.

— Меньше часа.

Они пошли по серебряной линии. Тоннель постепенно сужался, затем поднялся под старый виадук. Здесь световые камни были выбиты, но в стенах шли отражающие нити, наполнявшие проход рассеянным сиянием.

Впереди показалась круглая дверь, заваренная крест-накрест. На ней сохранилась эмблема гильдии: открытый глаз. Поверх неё Инспекция нанесла белый знак постоянного закрытия.

Седьмая станция.

Сварные швы были целы.

— Других входов нет, — сказала начальница.

— Для людей, — отозвались Лея и Кай одновременно.

Они посмотрели друг на друга. На этот раз он действительно улыбнулся — коротко, будто обнаружил в строгом протоколе удачную приписку.

Разорванная цепь поднялась в руке Леи и потянулась к эмблеме. Остаток тени выскользнул из плаща Кая, лёг на дверь и стал плоским ключом.

За металлом что-то тяжёлое ударило в пол.

Потом голос из похищенного зеркала произнёс имя Леи:

— Адресат прибыл.

Белый знак Инспекции треснул.

Круглая дверь осталась закрытой, но в её гладкой поверхности появилось отражение зала, которого не было по эту сторону: ряды пустых курьерских стоек, сотни футляров и женщина в сером плаще, стоявшая к Лее спиной.

Женщина повернулась.

У неё было лицо Леи — только Лея не помнила его таким.

Глава 4. Лицо, которого она не помнит

Женщина за дверью улыбнулась.

Лея узнала движение по чужим воспоминаниям: сначала дрогнул левый уголок губ, потом правый, на щеке появилась неглубокая ямка. Так улыбаются, когда стараются не рассмеяться вслух.

Наверное, когда-то так улыбалась и она.

— Не приближайтесь к отражению, — приказала начальница смены.

Лея уже стояла вплотную к круглой двери. Между её носком и плоским ключом, в который превратилась тень Кая, оставалось меньше ладони.

— Это мой образ, — сказала она.

— Это приманка с вашим лицом.

— Приманка не заставила бы курьерскую цепь признать адресата.

— Цепь повреждена.

— А ваш световой контур переведён чужим ключом. Сегодня у всех приборов сомнительная репутация.

Женщина в отражении подняла руку. На её запястье не было ожога от цепи. Вместо него белела детская нитка с тремя синими бусинами.

Лея знала эту нитку.

Мира сплела её в год, когда Лея впервые самостоятельно дошла до речной пристани. Лею тогда отпустили одну только до конца улицы, но она решила, что самостоятельность не обязана знать о семейных границах. Мира нашла её у воды, отругала, обняла и завязала нитку так туго, что узел пришлось разрезать.

В памяти остались пристань, запах водорослей и руки сестры. Собственного лица не было.

Теперь оно стояло за дверью.

— Это образ из моей памяти, — сказала Лея.

Кай подошёл сбоку, не наступая на тень.

— Последнее отражение может хранить ребёнка, который жив?

— Если владелец оставил именно себя в прошлом. Но этот образ не мог оставить кто-то другой.

— Вы оставляли зеркало?

— Нет.

Женщина по ту сторону указала на похищенный футляр. Он стоял на дальней стойке среди сотен других. Крышка была открыта, над ней мерцали лица. Каждое смотрело на Лею. Разорванная цепь натянулась.

— Доставка началась, — сказала она.

— Остановите её, — велела начальница.

— Тогда все образы останутся смешанными.

— Это лучше, чем впустить неизвестное в тоннель.

— Для вас — возможно. Не для людей внутри.

— Вы не знаете, люди ли это.

Лея приложила ладонь к металлической двери. Она была холодной, но отражение под рукой прогнулось, как натянутая ткань.

— Знаю, что каждый образ оставили добровольно. Иначе печать не удержалась бы.

— Печати подделывают.

— Одну. Не сотни сразу.

Кай присел рядом со своей тенью.

— Ты украла футляр, чтобы привести её сюда?

Плоский ключ согнул край. Да.

— Зачем?

Тень вытянула из двери тонкий палец и коснулась светлого знака закрытия.

— Потому что станцию запечатала Инспекция? — спросил он.

Тень не ответила. Вместо этого фигура с лицом Леи по ту сторону коснулась своей груди, затем указала на неё.

Мне — тебе.

— Груз считает отправителем ту женщину, — сказала Лея. — А адресатом меня.

— Она — вы, — произнёс молодой инспектор.

— Нет. Она похожа на меня. Это не одно и то же.

В футляре вспыхнуло одно из лиц. Пожилой мужчина беззвучно закричал. Его отражение растянулось по соседним

зеркала, задело женщину, ребёнка, ещё двоих. Лица начали накладываться друг на друга.

— Смещение ускоряется, — сказала Лея. — Если не завершить передачу, они потеряют границы.

— Как её завершить? — спросил Кай.

— Открыть станцию или пройти в отражение.

Начальница встала между ней и дверью.

— Ни то ни другое.

— Тогда через несколько минут у вас будет одно зеркало с памятью сотни людей. Оно заговорит их голосами без различия владельцев.

— Откуда вы знаете?

— Так закрыли Седьмую станцию. Из-за смещения адресных нитей. Нас учили распознавать признаки, но не показывали, где это произошло.

Кай посмотрел на ряды футляров.

— В отчёте Инспекции причиной был пожар.

— Море говорили то же самое. Гильдия рассказывала другое.

— Значит, обе стороны скрыли часть.

— Наконец-то у нас появился общий факт.

Кай поднялся.

— Что вам понадобится?

— Три минуты без усиленного света. Цепь останется снаружи. Я войду, закрою футляр и приму образ, если он действительно предназначен мне.

— Цена?

— Одна лицевая память за завершённую доставку.

— Здесь сотни образов.

Лея не ответила.

— Нет, — сказал он.

— Решение не ваше.

— Тогда назовите риск полностью.

Это было справедливое требование, и потому раздражало сильнее приказа.

— Если футляр считает их одной доставкой — одна память. Если каждой — я не успею выйти прежде, чем перестану узнавать себя.

— И всё равно пойдёте?

— Сначала разделю нити. Курьерская станция для этого построена.

Начальница покачала головой.

— Свет не отключу. Но дам девяносто секунд между импульсами. После этого дверь будет залита полностью.

— Мне нужны три минуты.

— У вас девяносто секунд.

Лея взглянула на Кая.

— Сможете задержать третий импульс?

— Это будет нарушением прямого приказа.

— Значит, умеете.

Он чуть нахмурился.

— Если к восьмидесятой секунде вы не закроете футляр,

я открою заслонку сам. Не ради приказа — чтобы вы не остались внутри.

— Если откроете раньше завершения, смещение выйдет за станцию.

— Тогда успеете.

Условия были плохими. Но они были ясными.

Лея сняла с пояса пустую адресную скобу и отдала Каю.

— Когда цепь станет белой, поверните её один раз. Не два.

— Что будет, если два?

— Доставка закроется вместе с курьером.

— Очень содержательный мелкий шрифт.

Она положила ладонь на плоский ключ. Тень Кая была холоднее металла. Та не отпрянула.

— Я войду. Ты откроешь обратную дорогу.

Тень согнула палец.

— Это согласие? — спросила Лея.

Один удар по двери. Да.

Отражение растеклось по её руке.

Мир на мгновение стал толщиной с лист серебра. Лея увидела тоннель сразу с обеих сторон: инспекторов, Кая с цепью, собственную спину и женщину с её лицом. Потом дверь пропустила её.

На Седьмой станции пахло пылью, озоном и старым воском. Воздух был настоящим. Пол выдержал её вес. За спиной вместо двери стояло высокое зеркало, в котором двигалась группа.

— Время пошло! — голос начальницы донёсся глухо.

Лея побежала к футляру.

Женщина с её лицом отступила, освобождая дорогу. Вблизи сходство оказалось неполным. У неё не было ожога на руке, морщинки между бровями и тонкого шрама под подбородком. Это была Лея до курьерской цепи — собранная из утраченных отражений.

— Кто тебя оставил? — спросила Лея.

Женщина открыла рот. Заговорили сотни голосов:

— Ты.

— Я не оставляла последнего образа.

— Оставляла каждый раз.

Первый световой импульс ударил в зеркало за спиной. Станция дрогнула. Футляры на стойках зазвенели.

Лея схватила похищенный груз. Крышка не закрывалась: между створками тянулись нити к каждому футляру в зале.

Смешение создал не этот груз. Он собрал то, что уже было соединено.

На центральной стойке сохранился распределитель: круг из тридцати серебряных пазов. Лея вставила в первый адресную скобу, но скоба осталась у Кая.

Она выругалась.

Женщина протянула ей синюю бусину с детской нитки. Бусина стала плоской и легла в паз точно по размеру.

— Это моя память.

— Твой ключ, — ответили голоса.

— Вы не имеете права брать её без согласия.

— Ты платила.

— За дорогу, не за склад.

Второй импульс. Несколько зеркал треснули. Отражения внутри футляра закричали.

Лея могла спорить с прошлой собой после спасения остальных.

Она повернула бусину. Серебряные нити отделились одна от другой и легли в пазы. Тридцать. Затем ещё тридцать. Станция распределяла их партиями, возвращая каждому футляру собственный образ.

Главный груз светился всё слабее. В нём осталась только женщина с лицом Леи.

— Адресат, — сказала та.

— Сначала назови волю владельца.

— Сохранить лицо до возвращения.

— Чьего возвращения?

— Твоего.

— Я никуда не уходила.

Женщина улыбнулась знакомой незнакомой улыбкой.

— Ушла по частям.

Крышка футляра начала закрываться. Чтобы завершить доставку, Лея должна была прикоснуться к образу. Тогда память о лице внутри зеркала станет её собственной — а цена дороги сотрёт другую.

За спиной Кай отсчитывал секунды:

— Семьдесят пять. Семьдесят шесть.

Лея приложила ладонь к зеркалу.

В неё вошёл смех.

Она увидела себя на речной пристани: двенадцатилетнюю, запыхавшуюся, гордую своим побегом. Мира стояла перед ней, сердитая и испуганная. Лея пыталась сохранить серьёзность, но первой рассмеялась. Левый уголок губ, правый, ямка на щеке.

Вот какой была её улыбка.

Она узнала её на один ослепительный миг.

Цена выбрала то же воспоминание.

Пристань осталась. Мира осталась. Смех остался звуком.

Лицо Леи снова стало пустым пятном.

— Нет, — сказала она.

Футляр захлопнулся.

Цепь за дверью вспыхнула белым.

Кай повернул скобу один раз.

Зеркало станции раскрылось. Тень обернулась вокруг Леи и вытолкнула её в тоннель в ту секунду, когда третий световой импульс ударил по двери.

Она упала на колени. Кай поймал футляр, но не коснулся её, пока она сама не протянула руку.

— Встать можете?

— Да.

Это оказалось неправдой. Ноги дрожали. Кай подставил предплечье, и Лея поднялась, опираясь ровно столько,

сколько решила сама.

— Сколько? — спросил он.

— Одна.

— Вы уверены?

— Я помню цену.

— Я спросил не о числе доставок.

Лея посмотрела на тёмную поверхность закрытого футляра. В ней отражалась женщина с мокрыми волосами у висков. Она выглядела так, будто только что потеряла кого-то близкого.

— Я получила назад свою улыбку, — сказала Лея. — И сразу забыла её снова.

Кай не произнёс утешительных слов. За это она была благодарна сильнее, чем за руку.

Начальница забрала футляр в изоляционную ткань.

— Груз переходит Инспекции.

— До совместного осмотра, — сказала Лея. — Внутри остался один образ, мой. Остальные разнесены по исходным футлярам Седьмой станции.

— Вы открыли склад?

— Я разделила смешение.

— Сколько единиц внутри?

— Не успела сосчитать. Сотни.

Начальница побледнела.

— В официальном акте станция была пуста.

— Значит, акт лгал, — сказал Кай.

Его тень отделилась от двери и легла у ног. Не вся — лишь узкий фрагмент, освобождённый из ампулы. Она не пыталась соединиться с владельцем. Кай не приказал ей.

— Станцию опечатала ваша Инспекция, — сказала Лея.

— По совместному акту с гильдией, — ответил он.

— Тогда обеим сторонам придётся объяснить, кого они заперли.

Начальница вызвала подкрепление и приказала никому не входить в отражение. На этот раз Лея не спорила. Седьмая станция держалась, отдельные нити больше не смешивались, а закрытый футляр снова признавал её цепь.

Им понадобилось ещё два часа, чтобы составить первичный акт. Гильдия прислала не защитника, а троих хранителей в серебряных масках. Старший потребовал немедленно передать зеркало. Начальница отказала. Пока они спорили о полномочиях, Лея вписала в обе копии акта: «Образы принадлежат владельцам; перемещение без проверки воли запрещено».

Кай поставил подпись свидетеля под её строкой.

— Вам за это достанется, — сказала она.

— Вам тоже.

— Мне привычнее.

— Сомневаюсь.

Его тень шевельнулась между ними, но ничего не сказала.

На поверхность Лея вышла вечером. Верхние фонари уже не спорили с солнцем — только заменяли его. За день го-

род не стал темнее, зато теперь Лея знала, сколько темноты спрятано под самой освещённой площадью.

Гильдия временно отстранила её от маршрутов до разбора утраты. Комнату при станции пока не отобрали, но печать на двери стала жёлтой. Один шаг до красной.

Она не пошла туда. После каждой тяжёлой доставки Лея ночевала у Миры, хотя никогда не называла это правилом.

Сестра жила над реставрационной мастерской в квартале Старых Стёкол. В окнах стояли настоящие занавески — светлые, разрешённой плотности. На двери висел рисунок Тови: три женщины держались за руки под огромным фонарём. У всех были тени, за что Мира наверняка получила замечание домового смотрителя.

Открыла восьмилетняя Тови.

— Тётя Лея!

Она обняла Лею прежде, чем та успела снять плащ. Из кухни выглянула Мира, увидела ожог на запястье и сразу перестала улыбаться.

— Что случилось?

— Доставка задержалась.

— На твоей руке задержалась молния.

— Цепь порвалась. Я вернула груз.

— Сколько ты заплатила?

Тови всё ещё держала её за пояс. Лея положила ладонь девочке на волосы.

— Одну память.

— Какую?

— Не знаю.

Это была привычная ложь. Курьер чувствовал пустоту, хотя не всегда мог назвать исчезнувшее. Сегодня Лея знала слишком точно.

Мира поджала губы, но не стала спрашивать при дочери.

— Ужин на плите. Вымой руки.

Тови потянула Лею в комнату.

— Я тебя рисовала. Смотри.

На столе лежали листы, связанные синей лентой. Тови рисовала семью каждый месяц: Миру среди рам и кистей, себя с торчащими косами, Лею с курьерским футляром. Лея любила эти портреты больше зеркал. Рисунок не требовал узнавания — он помнил за неё.

Тови разложила три последних листа.

На первом Лея широко улыбалась. На втором рот был обозначен прямой чертой. На третьем лица не было вовсе — только овальное светлое место под тёмными волосами.

— Почему здесь пусто? — спросила Лея.

— Я не смогла вспомнить.

Мира остановилась в дверях.

— Что именно?

— Как тётя улыбается. Раньше могла. А сегодня смотрела на старый рисунок и всё равно не могла.

Лея села рядом. Пальцы похолодели сильнее, чем в тоннеле.

— Может, ты устала.

— Нет. — Тови нахмурилась. — Когда ты возвращаешься после доставки, рисунки становятся неправильными. Не сами. У меня в голове. Сначала глаза, потом щёки. Теперь улыбка.

Мира взяла лист без лица и посмотрела на сестру.

— Ты говорила, цена касается только курьера.

— Так учит гильдия.

— Я спрашиваю не о том, чему учит гильдия.

Лея вспомнила Седьмую станцию, сотни запертых образов и собственное лицо, собранное из платежей за дорогу.

— До сегодняшнего дня я им верила.

Тови достала из коробки угольный карандаш.

— Улыбнись. Я нарисую заново.

Лея посмотрела на зеркало над столом. Незнакомая женщина послушно подняла уголки губ. Движение было правильным, но пустым.

Тови покачала головой.

— Не так.

— А как?

— Как ты.

Лея не смогла ответить.

Мира подошла и перевернула зеркало отражением к стене.

— Сегодня хватит, — сказала она. — И рисунков, и гильдейских правил.

На обороте зеркала, под старой бумагой, блеснула свежая серебряная царапина.

Такая же, как на футляре Эвена Дора.

Глава 5. Сестра чинит трещины

Мира не позволила никому коснуться зеркала до утра.

Она накрыла его льняным чехлом, поставила в дальний угол мастерской и обвела ножки стойки меловым кругом. Это не было защитой от магии. Так реставраторы обозначали предмет, чьё состояние ещё не зафиксировано: до описи любая пылинка считалась уликой.

— Иди спать, — сказала она Лее.

— Я не усну.

— Тогда лежи и не помогай. От твоей помощи предметы обычно оказываются на другом конце города.

Лея устроилась на узкой кушетке за перегородкой. Сквозь щель было видно, как сестра зажигает над верстаком боковые лампы одну за другой. В Велине предпочитали свет сверху: он прижимал тени к подошвам и не давал им набрать форму. Реставраторам такой свет мешал. Трещина показывала глубину только при косом луче.

Мира работала между двух нарушений — городского и семейного — с одинаково сердитым лицом.

Тови давно уснула наверху. Перед сном она оставила возле Леи рисунок без лица и угольный карандаш. Лея перевернула лист. На обороте девочка написала: «Я вспомню».

Обещание напугало сильнее пустого овала.

Когда часы на соседней башне пробили шесть, Мира сня-

ла чехол.

— Смотри только из-за круга.

— Я знаю правила мастерской.

— Ты знала и правила гильдии.

Лея промолчала.

Домашнее зеркало было старше обеих сестёр. Мать купила его у речного стекольщика ещё до Ночи Разглашения. Раму потом дважды меняли, амальгаму укрепляли по краям, но сердцевина оставалась прежней. В ней Лея училась заплетать волосы, Мира держала младенца Тови, а мать однажды коротко остриглась и три дня делала вид, будто именно этого хотела.

Теперь на обороте через защитную бумагу шла серебристая царапина длиной с палец.

Мира подвела к ней лампу. Царапина раздвоилась: верхняя линия была видна глазу, нижняя проступала только в отражении металлической пластинки.

— Это не трещина, — сказала Лея.

— Молодец. Можешь получить первую ступень реставратора лет через семь.

— След скобы?

— След ключа.

Мира взяла из ящика три инструмента. Два были тонкими крючками, третий — плоской иглой с насечкой. Она приложила их по очереди к царапине. Насечка совпала с нижней линией.

— Такой иглой поднимают серебряный слой, не разбивая стекло, — объяснила она. — Вводят между основой и памятью отражения. Если работать правильно, зеркало не замечает вскрытия.

— Ты заметила.

— Потому что работали быстро. И потому что это моё зеркало.

— У гильдии есть такие иглы?

— У каждого старшего хранителя. У лицензированных мастерских — под номерной печатью. Моя здесь.

Она открыла ячейку. На бархате лежала такая же игла, только рукоять была медной, а не серебряной.

Лея вспомнила оборот футляра Эвена: ровная светлая царапина у печати, слишком аккуратная для удара.

— Значит, его груз открывали после опечатывания.

— Если след тот же. Футляр я не видела.

— А наше зеркало зачем?

Мира не ответила. Она поднесла к краю амальгамы каплю проявителя. Серебро потемнело, кроме узкой полосы вокруг царапины. Там капля стала синей.

— Свежая связующая соль, — сказала Мира. — Не старше двух дней.

Вчера Лея была на маршруте. Позавчера тоже. Мира весь день работала внизу, Тови ходила на занятия и вернулась к обеду.

— Кто входил в дом?

— Никто, кого я приглашала.

— Замок цел?

— Замок защищает дверь. Зеркальному ключу дверь не нужна.

Лея подошла ближе к кругу.

— Если через него вошли, почему зеркало не сохранило переход?

— Потому что тот, кто умеет поднять слой, умеет стереть поверхность. Но память у зеркала не только на поверхности.

Мира поставила напротив него маленькую чёрную пластинку. В обычном стекле та не отражалась. В старом домашнем зеркале появилась бледная прямоугольная тень, а внутри неё — отпечаток ладони.

Ладонь была в перчатке. На запястье белел знак из трёх соединённых ромбов.

Печать Зеркальной гильдии.

— Они были здесь, — сказала Лея.

— Или хотели, чтобы мы так решили. Перчатку можно украсть.

— Кому ещё нужен доступ к моему домашнему зеркалу?

— Тому, кто собирает твои утраченные лица.

Слова легли между ними тяжелее инструмента.

Мира осторожно повернула пластинку. Отпечаток сменился размытым силуэтом. Человек стоял перед зеркалом, держа тонкий футляр. Его крышка была открыта. Из домашнего стекла к футляру тянулась нить — едва заметная, похо-

жая на волос.

— Забирали образ? — спросила Лея.

— Не из стекла. Через стекло.

— Со станции?

— Не знаю. Но это зеркало было адресной точкой. Кто-то протянул через него нить и проверил, отзовется ли она на тебя.

Лея вспомнила женщину на Седьмой станции, собранную из её утраченных лиц. «Сохранить лицо до возвращения».

— Проверка удалась.

— Поэтому груз Эвена назвал тебя адресатом?

— Возможно.

— Это слово запрещено произносить, когда опасность уже добралась до комнаты твоей племянницы.

— Зеркало стоит в мастерской.

— Вчера стояло наверху. Тови рисовала перед ним.

Лея посмотрела на лестницу. За закрытой дверью наверху не было слышно ни шагов, ни голоса. Она всё равно понизила тон.

— Проверь остальные зеркала.

— Уже.

Мира достала из-под верстака три листка. На каждом была схема комнаты и перечень повреждений. Зеркало у Тови оказалось чистым. Маленькое стекло в прихожей — тоже. След имелся только на семейном зеркале.

— Оно дольше всех видело меня, — сказала Лея.

— Нас, — поправила Мира. — Оно дольше всех видело нас.

Проявитель на серебре медленно серел. Мира промокнула его и наклеила рядом с царапиной бумажную метку.

— Я сниму нижний слой и найду направление нити. Но после этого след станет очевиден. Если наблюдатель вернётся, он поймёт, что мы его обнаружили.

— Он уже знает. Вчера футляр побывал у Инспекции и гильдии. Я вписала оговорку в акт.

— Ты опять оставила им записку вместо того, чтобы прийти к семье.

— Я пришла.

— После того как полезла в закрытую станцию и отдала ещё одну часть лица.

— Там смешивались сотни образов.

— Я не спору, что их надо было спасать.

— Звучит именно так.

Мира отложила инструмент. Её руки оставались спокойными, но вокруг рта появились две резкие складки.

— Я спору с тем, что ты каждый раз назначаешь себя единственной допустимой ценой.

— Я была единственным курьером у двери.

— А до двери? Ты могла предупредить меня, что память исчезает. Могла спросить, замечаем ли это мы. Могла хотя бы не отвечать Тови привычной ложью.

Лея почувствовала старое желание застегнуть плащ и уй-

ти. Сестра знала это движение. Не глядя, положила ладонь на лежавшую рядом застёжку.

— Сядь.

— Не запирай меня.

Мира сразу убрала руку.

— Хорошо. Дверь свободна. Но если останешься, не превращай свободу уйти в способ не отвечать.

Лея села на высокий табурет.

— Я не знала, что память Тови тоже меняется.

— А о себе знала.

— Курьеры платят лицевой памятью. Это условие лицензии.

— В лицензии написано: «временное ослабление внутреннего образа».

— Ты читала мою лицензию?

— Когда ты в девятнадцать лет принесла её домой и попросила отметить место для подписи поручителя. Я прочитала всё, кроме того, что они спрятали между словами.

Лея помнила тот вечер: лампу, чернила, чашку с остывшим молоком. Лицо Миры в воспоминании было ясным. Собственного, склонённого над страницей, не было.

— Мне обещали, что память восстанавливается после отдыха.

— Восстановилась?

— Иногда возвращаются признаки.

— Не признаки. Ты.

— Я не свожусь к лицу.

— Конечно, нет. Поэтому особенно удобно отдавать его по кусочку: все вокруг могут говорить, что главное осталось.

Лея встала так резко, что табурет качнулся.

— Что ты хочешь? Чтобы я бросила работу?

— Я хочу, чтобы ты перестала задавать вопрос так, будто у нас только два выбора: твоя работа или твоё исчезновение.

— Независимый маршрут даст мне право отказываться от опасных доставок.

— Когда ты его выкупишь?

— Через восемь месяцев. Может быть, семь.

— Если гильдия вернёт тебя на линию. Если не удержит залог за вчерашний груз. Если ещё семь месяцев ты будешь помнить, кого видишь в зеркале.

Лея подошла к окну. Утренний Велин был залит верхним светом. Прохожие двигались по матовой мостовой, и ни у одного не было тёмного спутника. Город выглядел безопасным, когда не знаешь, что спрятано под ним.

— Я не могу зависеть от гильдии, — сказала она.

— Тогда не покупай у неё свободу.

— Других маршрутов нет.

— Создай.

Лея обернулась.

— Без лицензии груз не признает цепь.

— Цепь признаёт курьера, а не контору. Гильдия ставит печать допуска и берёт плату за адреса. Это не одно и то же.

— Самовольная доставка карается изъятием памяти.

— Теперь ты знаешь, где изъятая память хранится.

Мира сказала это слишком ровно. Лея посмотрела на её руки, на инструменты, приготовленные ещё ночью, на три уже заполненных листа проверки.

— Ты давно об этом думала.

— С тех пор как ты перестала узнавать себя на портрете матери.

— Это было два года назад.

— Именно.

— И молчала?

— Ты приходила на час, рассказывала смешную историю с маршрута и уходила прежде, чем я успевала спросить. Я решила, что уважать твой выбор — значит ждать, пока ты сама заговоришь.

— А теперь?

— Теперь в нашем зеркале чужой ключ, а моя дочь не может вспомнить твою улыбку. Молчание больше никого не защищает.

Лея провела пальцем по краю подоконника. Можно было обвинить Миру в опоздании. Это избавило бы её от признания, что сама она опаздывала ещё дольше.

— Я собирала на маршрут не только ради свободы, — сказала Лея. — Если у меня будет собственная линия, я смогу вписать тебя мастером. Тови — когда вырастет, если захочет. Дом при станции станет нашим.

— Ты купишь нам дом ценой памяти о том, кто в нём живёт?

— Я хотела обеспечить вас.

— Не спросив, нужно ли нам именно это.

Лея вздрогнула. Фраза слишком точно повторяла главный порок любой неверной накладной: адресат назначен, согласие предполагается, цена уже уплачена.

Мира увидела, что попала, и не смягчила удар.

— Семья не даёт бессрочного согласия на спасение, — сказала она. — Ни тебе, ни мне.

— Что тогда ты согласна принять?

Вопрос изменил воздух. Спор перестал быть дверью, которую каждая держала со своей стороны.

Мира ответила не сразу.

— Я согласна исследовать зеркало. Согласна помочь тебе понять устройство вскрытия. Не согласна, чтобы Тови стала приманкой или хранителем твоей памяти без её выбора. Не согласна, чтобы ты шла на следующий маршрут, не назвав нам полную цену.

— Я отстранена. Следующего маршрута пока нет.

— Он уже здесь.

Мира указала на зеркало.

Лея кивнула.

— Тогда мои условия. Мы не отдаём оригинал ни гильдии, ни Инспекции. Снимаем копию следа. Если нить ведёт к станции, не идём туда вдвоём. И Тови узнаёт только то, что

может понять без обязанности нас спасти.

— Ей восемь, Лея. Она уже пытается тебя восстановить.

— Поэтому и не должна думать, что обязана.

Мира протянула руку через меловой круг ладонью вверх.

— Договорились.

Лея коснулась её пальцев.

Сестра сжала их один раз и отпустила.

За окном погас первый ряд ночных фонарей. На короткое мгновение, пока дневные ещё не разгорелись, от стола протянулась настоящая тень. Она легла поперёк круга и коснулась зеркала.

Стекло заговорило голосом Леи:

— Мира знала, что ты исчезаешь.

Тень стола была обычной. Обычные тени не говорили.

Мира застыла.

Из-под рамы вытекла чёрная полоска толщиной с нитку. Она скользнула по полу к двери.

Лея наступила на неё прежде, чем полоска пересекла порог. Под подошвой дёрнулось живое холодное существо.

— Не режь, — сказала Мира.

— Я знаю.

Чёрная нить выгнулась и снова произнесла её голосом:

— Мира знала.

Правда без причины. Именно так работали отделённые тени.

— Контекст, — потребовала Лея. — Когда узнала? Что

сделала?

Нить молчала. Она не умела отвечать на вопрос, если ответ не был частью украденного секрета.

Мира взяла стеклянный колпак, поставила рядом с Леиной ногой и приподняла край подошвы ровно настолько, чтобы нить метнулась внутрь. Сестра захлопнула заслонку.

В колпаке тень билась о стекло и повторяла одну фразу. С каждым повтором слова звучали убедительнее и становились менее правдивыми.

— Вот зачем вскрывали зеркало, — сказала Мира. — Через семейные отражения собирают не только твои лица. Они ищут наши невысказанные слова.

— Твой секрет уже вышел.

— Не весь. Значит, продавать будут удобную часть.

Лея посмотрела на неё.

— Ты действительно знала?

Мира не отвела глаз.

— Я знала, что потери не временные. Не знала, что они переходят к Тови. И не знала, куда исчезают твои лица.

Это было больно. Но боль имела края, время и причину. С ней можно было работать.

— Почему не сказала прямо?

— Боялась, что ты услышишь приказ бросить профессию.

— Я бы так и слышала.

— Поэтому молчание казалось уважением. Я ошиблась.

В дверь мастерской постучали.

Три коротких удара, два длинных. Служебный ритм гильдии.

Мира накрыла колпак тканью. Лея убрала проявитель и листы в нижний ящик. На зеркале осталась метка возле царапины, но снять её уже не было времени.

— Кто? — спросила Мира.

— Хранитель Лорн, — ответили с улицы. — Проверка после несанкционированного зеркального перехода.

— В жилое помещение без согласия не войдёте.

— У нас предписание на имущество курьера Леи Варн.

Лея подошла к двери, но не открыла.

— Моё имущество находится при станции и опечатано вашей же печатью.

— Зафиксирован отклик по домашнему адресу. Вы обязаны передать связанное зеркало.

Мира беззвучно усмехнулась. Только что гильдия подтвердила направление нити лучше любого проявителя.

— Назовите номер накладной, — потребовала Лея.

За дверью помолчали.

— Это проверка безопасности, не доставка.

— Тогда зеркало не является грузом. Получите согласие владельца или судебную печать.

— Отказ будет учтён при рассмотрении вашей лицензии.

— Учтите дословно: владелица не согласна.

Мира взглянула на неё. Лея не назначила её решение. Просто оставила место.

— Не согласна, — громко сказала Мира. — И запрещаю любой переход через мои зеркала.

Снаружи царапнули пером по бумаге.

— До полудня явитесь в гильдию, курьер Варн.

— Пришлите основание вызова.

Шаги удалились не сразу. Сначала хранитель проверил окно и боковую дверь. Лишь потом улица снова наполнилась шумом лавок.

Мира вынула из ящика лист с копией следа.

— Они знают, что нить активировалась.

— Но не знают, поймали ли мы её.

Под тканью колпак тихо стукнул. Чужая тень несла часть семейной правды и стремилась туда, где за неё могли заплатить плотностью.

— Я отнесу её Каю, — сказала Лея.

— Ты только что сказала: не идти вдвоём.

— Кай не станция.

— И всё ещё инспектор.

— Вчера он подписал, что образы принадлежат владельцам. Сегодня проверим, распространяется ли это на секреты.

Мира задумалась, затем сняла с крючка рабочий плащ.

— Мы проверим.

— Тови нельзя оставлять одну.

— Через десять минут придёт соседка. Я уже послала записку.

— Когда?

— Пока ты смотрела в окно и пыталась решить всё одна.

Лея хотела возмутиться, но рассмеялась. Звук оказался неожиданным. Она не знала, как при этом выглядит, зато Мира на миг улыбнулась в ответ.

Из-за лестничной двери показалась сонная Тови.

— Вы уходите?

Мира присела перед ней.

— Ненадолго. В нашем старом зеркале нашли чужую царапину. Мы отнесём специалисту то, что из неё выпало.

— Это опасно?

Мира посмотрела на Лею.

Раньше одна из них сказала бы «нет» быстрее, чем девочка закончила вопрос.

— Может быть опасно, если выпустить, — ответила Лея.

— Сейчас оно заперто. Мы знаем, как его нести, и позовём ещё одного взрослого, который умеет с тенью.

— А я должна что-то сделать?

— Позавтракать, — сказала Мира. — И не подходить к накрытому зеркалу.

— А рисунок?

Лея взяла лист с пустым лицом и вернула Тови.

— Ты не обязана меня вспоминать. Рисуй, только если сама хочешь.

Девочка прижала лист к груди.

— Тогда нарисую тебя со спины. Плащ я помню.

Лея кивнула. Это был не тот портрет, которого она жела-

ла, но первый, за который никто не платил собой.

Мира уложила стеклянный колпак в ящик для хрупких осколков. Лея защёлкнула две застёжки, проверила вентиляционную заслонку и вписала на временную бирку: «Содержимое: отделённый теневой фрагмент. Владелица секрета известна. Передача речи запрещена до восстановления контекста».

В строке адресата она поставила прочерк.

Они вышли через мастерскую вместе.

На улице разгорался дневной свет. У самых стен ещё сохранились узкие полосы темноты. Ящик в руках Миры был лёгким, но внутри него находилось достаточно правды, чтобы поссорить сестёр, лишить Лею последнего шанса на лицензию или привести их к тому, кто вскрывал чужие отражения.

На перекрёстке Лея заметила человека в серебряной перчатке. Он стоял под верхним фонарём и не отбрасывал тени, как все вокруг. Когда сёстры повернули к управлению Инспекции, человек поднял руку к зеркальной пуговице у горла.

Где-то впереди ему ответила другая пуговица.

А под тканью колпака тень Миры впервые произнесла новое:

— Инспектор погубил свидетеля.

Глава 6. Секрет без причины

До управления Инспекции оставалось три перекрёстка, когда человек в серебряной перчатке исчез.

Он не свернул и не отстал. Просто вошёл в слепое пятно между двумя верхними фонарями и не вышел с другой стороны. Лея остановилась у витрины булочной, будто заинтересовалась вчерашними пирогами. В стекле отражались она, Мира с ящиком в руках и пустая полоса мостовой позади.

— Потеряла его? — спросила Мира.

— Он сам решил потеряться.

Под тканью в ящике тихо царапнуло стекло.

— Инспектор погубил свидетеля, — повторила тень голосом Леи.

Проходя с корзиной замедлила шаг. Лея развернула Мира к стене, заслоняя ящик плащом.

— Она не должна быть слышна с закрытой заслонкой.

— В мастерской не была.

Мира опустила ящик на каменный выступ и проверила защёлки. Обе оставались закрыты. Зато серебряная нить на бирке потемнела — кто-то снаружи усиливал речь фрагмента через ближайшие отражения.

Лея посмотрела на витрину. В дальнем углу стекла блеснула зеркальная пуговица. Человека рядом не было.

— Он оставил связку, — сказала она. — Может слушать

и подталкивать нить с другого конца.

— Разобьём?

— Тогда тень выберет другое отражение, а мы не узнаем какое.

Лея вынула из кармана кусочек мела и провела на витрине незамкнутый круг. Курьерский знак означал: отражение замечено, переход не принят. Стекло помутнело вокруг пуговицы, но не отпустило её.

— Несём дальше, — решила Лея. — Только не в главный вход.

Управление Инспекции занимало бывший монетный двор. Высокие окна там заменили матовыми плитами, двери обили белым металлом, а над крышей горела решётка света, стиравшая даже тень от водостоков. Через главный зал ежедневно проходили сотни жалобщиков. Одна фраза из ящика успела бы обвинить половину служащих прежде, чем они добрались до Кая.

Лея повела сестру в переулок красильщиков. За последней лавкой была приёмная для опасных грузов — низкая дверь без отражающих деталей, со звонком на тканевом шнуре.

Она дёрнула шнур один раз, затем дважды. Открыл дежурный в сером нагруднике.

— Приём с восьми.

— Теневой фрагмент с активной речью и внешней связкой. Нужен изолятор.

Дежурный увидел бирку и отступил.

— Владелец?

— Владелица секрета здесь, — сказала Мира. — На передачу речи не согласна.

— Тогда оставляйте снаружи до прибытия дознавателя.

— Снаружи связка, — возразила Лея. — И прохожие.

— Порядок приёма...

Из ящика донеслось отчётливо:

— Инспектор погубил свидетеля.

Дежурный побледнел и схватился за свисток.

— Какой инспектор?

— Вот этого ей и не хватает, — сказала Лея. — Вопросов.

Свисток всё же прозвучал. За дверью загрохотали засовы, затем из коридора выбежали двое служащих со световыми щитами. Они не целились в ящик. Они целились в Миру.

— Руки на стену. Груз поставить на пол.

— Она владелица секрета, а не тени, — быстро сказала Лея. — Не размыкайте футляр.

— Имя инспектора.

— Неизвестно.

— Имя свидетеля.

— Неизвестно.

Служащий шагнул к Мире. Лея встала между ними.

— У вас есть правдивая фраза без времени, действия и контекста. Если вы сейчас произведёте задержание, это будет решение не тени, а ваше.

— Отойдите, курьер.

— Она ещё и реставратор, — вмешался дежурный. Его взгляд упал на серебряные следы на пальцах Миры. — Такие вскрывают опечатанные зеркала.

Подозрение нашло удобную форму быстрее, чем Лея успела его остановить. Служащий вывернул Мире руку и прижал её к стене. Ящик качнулся.

— Не трогайте заслонку! — крикнула Мира.

Второй служащий подхватил ящик, но его щит задел ткань. Колпак внутри звякнул. Голос Леи раздался уже из белой металлической обивки двери:

— Реставратор укрыла убийцу.

Этой фразы раньше не было.

Лея замерла. Тень Миры могла знать, что Мира кого-то укрыла, но слово «убийца» пришло из другого секрета. Связка не просто усиливала речь — она смешивала фрагменты, как на Седьмой станции смешивали адресные нити.

— Это не показание, — сказала Лея. — Контур заражён чужой речью.

Но служащие уже слышали историю, которая сама собирала себя: реставратор вскрыла зеркало, принесла тень и укрыла инспектора, погубившего свидетеля.

— Мира Варн, вы задержаны за сокрытие теневого преступления.

— Кого я укрыла? — спросила Мира, не сопротивляясь.
— Назовите человека.

— Установим в ходе дознания.

— Значит, сначала арест, потом причина.

В конце коридора хлопнула дверь.

Кай шёл к ним без нагрудника и без светового ножа. Вчерашний порез на ладони был перетянут свежей повязкой. Увидев Миру у стены, он не ускорился, но лицо стало жёстким.

— Основание задержания.

Служащий вытянулся.

— Активный фрагмент сообщил о погибшем свидетеле и реставраторе, укрывшей убийцу. Груз принесён родственницей задержанной, курьером Варн.

— Вы записали точные фразы?

— Да.

— Последовательность?

— Первое сообщение поступило...

— Я спросил не пересказ.

Кай забрал у дежурного журнал. Прочитал две строки и поднял взгляд на Лею.

— Что было до входа?

Она назвала обе фразы, серебряную пуговицу и потемневшую нить на бирке. Кай выслушал, ни разу не перебив.

— Отпустите реставратора, — сказал он.

— Инспектор Ресс, сообщение может относиться к вашему делу.

— Именно поэтому я не имею права подтверждать задер-

жение. И именно поэтому вы не имеете права строить его на существительном без имени.

— Начальница смены велела изолировать всех причастных к утечке.

— Изолировать источник, не людей, которых он назвал удобными словами.

Служащий не разжал пальцев.

Кай посмотрел на его руку, затем на лицо.

— Это приказ об освобождении задержанной. Хотите сохранить её под стражей — назовите независимое основание и поставьте свою подпись.

Тот медленно отпустил Миру.

На её запястье остались красные следы. Лея подошла, но сестра сама расправила рукав.

— Сначала ящик, — сказала она.

Кай указал на дверь в боковой коридор.

— Третья глухая камера. Ни одного зеркала, стены из угольного войлока. Отнесу сам.

— Нет, — одновременно ответили Лея и Мира.

Он остановился.

— Груз не ваш, — пояснила Лея. — Секрет не ваш. Вы можете сопровождать.

Кай кивнул так, будто ожидал именно этого.

В глухой камере пахло пылью и погасшими свечами. Мира поставила ящик в центр медного стола. Кай закрыл дверь, но оставил засов с их стороны.

— Что именно она сказала первой? — спросил он.

— «Мира знала, что ты исчезаешь», — ответила Лея. — Это её секрет. Потом — про инспектора и свидетеля. На улице за нами следил человек с серебряной перчаткой. Он оставил связку в витрине. После удара о щит появилась фраза про реставратора и убийцу.

Кай прикрыл глаза на одно мгновение.

— Свидетель был?

— Ты спрашиваешь нас?

— Нет. Решаю, сколько правды могу сообщить, не заставляя вас нести мою вину.

Мира опёрлась ладонями о стол.

— Тень уже заставила.

— Тень заставляет слушать. Ответ всё ещё мой.

Он снял повязку с ладони. Вчерашний чёрный порез раздвоился: одна линия заживала, вторая тянулась к запястью, словно нарисованная чернилами под кожей.

— Полгода назад я работал с осведомителем Нижней ночи. Его звали Ол Тарен. Он передавал сведения о продаже секретов, но отказывался назвать покупателей: хотел сначала вывезти сестру из города. Начальство потребовало немедленную встречу. Я сообщил место, хотя обещал Олу ждать его сигнала.

— Его убили на встрече? — спросила Лея.

— Он погиб по дороге. Официально — упал под грузовую платформу во время отключения света. Я нашёл след

отделённой тени на тормозе. В рапорте написал, что доказательств вмешательства недостаточно.

— Потому что их не было?

— Потому что признание вмешательства показало бы: место встречи знали внутри Инспекции.

В комнате стало тихо. Кай не искал оправдания, и от этого его вина выглядела тяжелее.

— Ты погубил его? — спросила Мира прямо.

— Я нарушил обещанные условия и сообщил место. Кто-то использовал мой рапорт. Я не толкал платформу, но защитил учреждение раньше, чем память погибшего. Моя тень считает это одной фразой.

— А «реставратор укрыла убийцу»?

— Ол ночевал в мастерской реставратора по имени Дена Сой. Она чинила рыночные зеркала. Дена исчезла после его смерти.

Лея увидела, как ложная история оказалась соткана из двух настоящих. Мира знала о её потерях. Дена укрывала Ола. Кай выдал место встречи. Каждая нить была подлинной; узор — чужим.

— Кто-то подмешал имя профессии, чтобы задержали Миру, — сказала она. — Не случайного прохожего.

— И добавил мою вину, чтобы я не смог её освободить без подозрения в самозащите, — ответил Кай.

Снаружи ударили в дверь.

— Инспектор Ресс, откройте по приказу начальницы сме-

ны.

Кай не двинулся.

— Если откроешь, Миру снова задержат, — сказала Лея.

— Если не открою, задержат меня.

— Есть третье решение?

Он взглянул на ящик.

— Есть процедура публичного отказа. Я фиксирую конфликт интересов, раскрываю относящуюся к нему часть и передаю решение другому инспектору. Но до передачи приказ о задержании останется в силе.

— А если отменить его до отвода?

— Тогда скажут, что я освободил сообщницу, чтобы скрыть смерть Ола. Скорее всего, будут правы хотя бы на счёт причины.

— Причина и правота — не одно и то же, — сказала Мира.

Кай посмотрел на неё.

— Нет.

Он достал из кармана служебную печать. После вчерашнего отстранения она открывала только журнал, не замки. Кай приложил её к медной пластине на стене.

— Запись решения. Инспектор Кай Ресс. Отменяю задержание Миры Варн как произведённое без установленного лица, времени, действия и причинной связи. Сообщаю о личном конфликте: теневой фрагмент содержит утверждение, которое может относиться к моему нарушению условий защиты осведомителя Ола Тарена шесть месяцев назад.

Прошу независимого пересмотра моего рапорта и действий смены. До пересмотра запрещаю использовать речь данного фрагмента как основание для ограничения свободы любого лица.

Он замолчал, затем добавил:

— Ответственность за немедленное освобождение беру на себя.

Пластина вспыхнула красным. Запись ушла во все дежурные журналы управления.

За дверью кто-то выругался.

— Теперь у тебя не только нет тени, — тихо сказала Лея.

— У тебя, кажется, нет и службы.

— Служба решит позже.

— Ты знал, что так будет.

— Знал.

В его голосе не было просьбы оценить жертву. Лея почувствовала невольное уважение и сразу проверила его на прочность.

— Ты освободил Миру, потому что она невиновна или потому что твоя тень тебя вынудила?

— Я освободил её, потому что обвинение не содержало проверяемого действия. Моя вина лишь объясняет, почему мне было удобно промолчать.

Это был правильный ответ. Не красивый — пригодный к работе.

Кай открыл дверь.

В коридоре ждала начальница смены Эста Рон с четырьмя служащими. Высокая, седая, в белом нагруднике без единой царапины, она держала копию только что отправленной записи.

— Ресс, печать на стол.

Он положил её на ближайшую полку.

— Вы покинете управление до завершения внутреннего разбора.

— После передачи опасного фрагмента независимому хранителю.

— Фрагмент остаётся здесь.

— Владелица секрета не давала согласия, — сказала Лея.

Эста посмотрела на неё так, будто курьер был пятном на официальном документе.

— Речь идёт об угрозе безопасности города.

— Тогда оформите временное хранение с запретом прослушивания и отдельной описью каждой фразы, — ответила Мира. — Я останусь владельцем и смогу отозвать передачу.

— Тени не являются собственностью граждан.

— Это фрагмент моей тени или чужой? — спросила Мира.

Эста не ответила.

Лея поняла: начальница не знала. Зато хотела получить вещь раньше, чем вопрос станет обязательным.

Кай встал между ящиком и служащими.

— До установления происхождения действует правило

меньшего вмешательства. Камера опечатывается тремя сторонами: владелицей, курьером и Инспекцией. Вскрытие — только при всех троих.

— Вы отстранены.

— Поэтому печать Инспекции поставите вы.

Эста могла приказать отнять ящик. Но тогда красная запись Кая получила бы продолжение: начальница захватывает неустановленную тень у женщины, уже задержанной без основания. Она протянула руку.

— Опись.

Дежурный принёс лист. Лея записала три фразы дословно и отдельно указала место каждой активации. Мира добавила запрет на передачу речи. Эста поставила белую печать. Когда очередь дошла до курьерской, Лея вынула свою и прижала к воску.

Печать вспыхнула, затем почернела.

— Лицензия приостановлена, — напомнила Эста.

— Но личная цепь меня узнала.

Лея произнесла это спокойнее, чем чувствовала. Слова Мира оказались верны: цепь признавала курьера, а не контору.

Эста тоже это поняла.

— До полудня явитесь в гильдию. После — ваша печать может не узнать ничего.

— Угроза внесена в опись? — спросила Мира.

Начальница развернулась и ушла.

Когда камера была заперта тремя печатями, Кая проводили к выходу. Его не заковали, но по обе стороны шли служащие. В приёмной люди расступались. Кто-то уже читал красную запись на общей пластине. Слова «погубил свидетеля» шептались быстрее, чем полное объяснение.

На улице Каю вернули плащ без служебных знаков.

— Куда теперь? — спросила Мира.

— Домой, если начальница не успела опечатать комнату.

— Это не ответ, — сказала Лея. — Серебряная связка привела к управлению. Кто-то знал, какую фразу подать и кого здесь арестуют. Нам нужен её второй конец.

Кай посмотрел на матовые окна здания.

— Внутренний архив для меня закрыт.

— Я спрашиваю не про архив.

Он понял.

— Нижняя ночь не обозначена на карте. Она открывается там, где продавец и покупатель заранее согласовали отражение.

— А связка уже согласована, — сказала Мира.

Лея достала из кармана мел. На нём осталась серебряная пыль от витрины.

— Пуговица ответила другой пуговице. Если первая ещё на месте, она помнит направление.

— Это может быть приглашение, — предупредил Кай.

— Конечно. За нами следили слишком заметно.

— Значит, ждут именно тебя.

— Или мою печать. Она только что доказала, что работает без лицензии.

Кай остановился посреди белой мостовой. Без нагрудника он выглядел не слабее, а непривычно доступным для города: любой мог подойти, спросить, обвинить. Двое прохожих уже узнали его и отвернулись.

— Я не поведу вас на рынок как инспектор, — сказал он.
— У меня нет права требовать участия и нет защиты, которую можно обещать.

— Хорошо, — ответила Лея. — Тогда назови риск как человек, который там бывал.

— На Нижней ночи нельзя отдавать полное имя отражению. Нельзя повторять услышанный секрет — повтор считается предложением о продаже. И нельзя верить цене, названной до того, как увидишь товар: платой может оказаться не монета.

— Уже полезнее приказа.

Мира сняла с пояса ключ от мастерской и протянула Лее.

— Я возвращаюсь к Тови. Проверю все домашние зеркала и закрою серебро тканью. На рынок не пойду.

Лея хотела возразить, но вспомнила их договор.

— Согласна. Если до заката не пришло весточку, отнеси копию следа Сене, не гильдии.

— До заката слишком долго. Через три часа.

— Четыре.

— Три с половиной.

— Договорились.

Мира повернулась к Каю.

— Если её тень скажет что-нибудь обо мне, сначала спросите время и причину.

— Сначала спрошу Лею, хочет ли она слушать.

Сестра удовлетворённо кивнула и ушла.

Лея с Каем вернулись к булочной. Витрина уже была вымыта, меловой знак стёрт. На месте пуговицы остался круг чистого стекла среди разводов.

— Опоздали, — сказал Кай.

Лея провела пальцем по нижней раме. Под ногтем блеснуло серебро. Связку сняли, но отражение действительно запомнило направление: если смотреть под острым углом, в стекле вместо булочной появлялась узкая лестница вниз. На каждой ступени лежала тень человека, которого не было рядом.

У подножия стоял мужчина в серебряной перчатке. Теперь он не скрывал лица. Лея его не знала.

Он приложил палец к губам, затем поднял зеркальную пуговицу. В ней мелькнул похищенный футляр Эвена.

На стекле проступили слова:

«Доставка принята. Получатель ждёт в Нижней ночи».

Строки предназначались курьеру. Личная цепь под кожей ладони потянулась к витрине.

Кай увидел движение её пальцев.

— Не обязана принимать.

— Знаю.

— Это ловушка.

— Тоже знаю.

Лея посмотрела на лестницу, которой не существовало на карте. У неё отняли груз, лицензию пытались превратить в повод для молчания, семейную память вскрыли как склад. Теперь неизвестный покупатель впервые назвал себя адресатом, пусть и без имени.

У доставки появилась следующая точка.

— Я принимаю только маршрут, — сказала она отражению. — Не условия получателя и не цену.

Цепь замкнулась вокруг запястья прохладным кольцом.

Мужчина внизу улыбнулся и отступил во тьму.

Кай протянул Лее руку, не касаясь.

— Вместе до первой развилки. Дальше снова спрашиваем.

Она вложила пальцы в его ладонь. Не как обещание и не как прощение. Как проверяемое условие перехода.

Витрина стала глубокой.

Впервые за много лет Велин отбросил перед Леей дорогу из теней.

Глава 7. Рынок, которого нет на карте

Стекло пропустило их не сразу.

Сначала витрина отняла у Леи отражение. Оно осталось снаружи — бледное лицо между булками и вывеской, ладонь в ладони Кая. Потом исчезла улица. Под ногами возникла первая ступень, тёплая, будто по ней только что прошли сотни людей.

Лея разжала пальцы.

— Первая развилка, — напомнила она.

— Ещё нет, — ответил Кай. — Пока только вход.

Сверху витрина уже казалась глухим чёрным потолком. Вернуться тем же способом не получилось бы: ни рамы, ни ручки, ни собственного лица, которое могло бы принять их обратно. Внизу серебряная перчатка мелькнула за поворотом.

Лея проверила цепь доставки. Холодное кольцо лежало вокруг запястья, но не тянуло вперёд. Получатель обозначил маршрут и ждал, чтобы курьер сама выбрала продолжение. Так поступали заказчики, желавшие впоследствии сказать, что никого не принуждали.

— Имя? — спросил из темноты женский голос.

Кай удержал Лею за локоть прежде, чем она ответила.

На стене открылись два глаза. Не настоящие — нарисованные на маленьком овальном зеркале, вставленном между кирпичами.

— Имя для пропуска, — повторил голос.

— Курьер, — сказала Лея.

— Это занятие.

— Сегодня достаточно.

Глаза моргнули.

— А спутник?

— Сопровождающий груз.

— Груз сопровождают впереди, не рядом.

Лея подняла руку с цепью.

— Тогда спросите получателя, почему он изменил порядок.

В стене что-то зашелестело. Голос не ответил. Кирпичная кладка разошлась, открывая три прохода.

Вот теперь была развилка.

Левый коридор освещали синие лампы. На полу лежали неподвижные тени, аккуратно свёрнутые в рулоны и перевязанные нитями. Из правого доносились музыка и звон монет. Средний оставался тёмным, но именно там серебряная пыль на пальцах Леи вспыхнула тусклой полосой.

— Дальше? — спросила она.

Кай осмотрел проходы, не делая шага.

— Я знаю старый рынок. Там было два входа, один зал и выход через водосток. Это другое место или оно перестрои-

лось.

— Ты можешь уйти?

— Нет.

— Это не ответ на мой вопрос.

Он посмотрел вверх, туда, где исчезла витрина.

— Могу искать выход отдельно. Не хочу.

Лея дала себе время услышать не только слова, но и то, что за ними не пряталось. Кай не ссылался на её безопасность и не делал свой выбор её долгом.

— Вместе до следующей развилки, — решила она. — Ты не называешь меня по имени и не изымаешь ничего без моего согласия.

— Ты не повторяешь ни одной рыночной фразы.

— Даже если она о тебе?

— Особенно тогда.

Они выбрали средний проход.

Лестница закончилась занавесью из узких зеркальных полос. В каждой Лея видела другое лицо: старше, моложе, рассерженное, смеющееся. Ни одно не казалось своим. Она смотрела на признаки — шрам над бровью, две родинки у виска, короткие тёмные волосы — и всё равно чувствовала, что занавесь показывает чужих женщин, случайно собранных по её описанию.

Кай в отражениях оставался без тени. Зато за его плечом шла тёмная фигура, которой в коридоре не было.

— Не оборачивайся, — сказала Лея.

— Вижу.

— Она твоя?

— Не знаю.

Это прозвучало страшнее уверенности.

За занавесью открылась Нижняя ночь.

Рынок помещался под Велином и одновременно не мог под ним находиться. Над торговыми рядами висело чёрное небо без звёзд. Балконы знакомых домов росли вниз, будто город опрокинули крышей в землю. Между прилавками текли узкие каналы, в которых отражался полдень: белые облака, яркое солнце, птицы. Верхний свет сюда не доходил, однако тени покупателей лежали у ног слишком густо, иногда по две или три на человека.

Никто не выкрикивал товар. Продавцы сидели молча, а говорили вещи.

В стеклянной колбе шептал детский голос. Чёрный платок на крючке называл суммы, которых кто-то недосчитался в городской кассе. Под серебряным колпаком тень повторяла: «Он ушёл до пожара», но всякий раз меняла ударение так, что виновным становился другой человек.

Рядом с каждым секретом стояло зеркало.

Маленькое, величиной с монету, показывало дверь и мужскую руку на засове. Другое, треснувшее пополам, удерживало женщину у окна. Третье было закрыто тканью, но под ней проступал мягкий свет последнего образа.

Лея остановилась.

Тени продавали фразы, а зеркала — причины. По отдельности первое было слухом, второе памятью. Вместе они превращались в оружие, которому покупатель мог придать вид доказательства.

— Инспекция утверждала, что рынок торгует отделёнными тенями, — тихо сказал Кай.

— Гильдия утверждала, что невручённые зеркала уничтожают.

Они не посмотрели друг на друга. Здесь даже согласие могло прозвучать как сделка.

Мужчина в серебряной перчатке ждал у прилавка, сложенного из почтовых ящиков. Похищенный футляр Эвена стоял перед ним вертикально. Курьерская цепь потянулась, подтверждая точку, но замок не отозвался на Лею.

— Доставка прибыла, — сказал мужчина.

Он был лет сорока, сухощавый, с совершенно обычным лицом. Такое лицо забывалось между двумя взглядами. Только перчатка делала его различимым.

— Назовите получателя, — потребовала Лея.

— Получатель перед вами.

— Имя должно совпасть с накладной.

— В накладной адресат изменён после смерти отправителя. Следовательно, его воля уже не может быть проверена.

— Тогда доставка не состоится.

Мужчина улыбнулся.

— Но вы приняли маршрут.

— Маршрут — не согласие открыть груз.

— Курьерская гильдия редко различает эти вещи.

Он провёл перчаткой над футляром. На серебре выступила копия накладной. Строка получателя была затёрта, но рядом стояла печать Леи.

Настоящая.

Кай едва заметно перенёс вес на переднюю ногу.

— Не трогай, — предупредила Лея.

— Я ничего не делаю.

— Говорю ему.

Мужчина убрал руку.

— Вы различаете намерение по движению плеча. Полезный спутник.

— Вы украли вверенный мне груз.

— Я вернул его на действующий маршрут.

— К кому?

— К той, которой больше нет.

Фраза из зеркала Эвена ударила сильнее, чем Лея ожидала. Цепь на запястье сжалась.

— Моё имя в накладной появилось без моего согласия.

— Разве? Печать ваша.

— Печать подтверждает движение груза, не волю отправителя и не мою готовность стать адресатом.

— Именно за такими уточнениями сюда и приходят покупатели.

Он указал на рынок.

По соседнему ряду шла женщина в зелёной вуали. За ней слуга нёс закрытый чёрный ящик. У одного из прилавков женщина остановилась, положила на стол медную пластину и показала продавцу записку. Тот открыл колбу.

Тень внутри произнесла:

— Советник встретился с ним до голосования.

Женщина не повторила фразу. Вместо этого указала на зеркало. Продавец снял ткань.

В отражении двое мужчин пожимали руки в зимнем саду. Не было слышно разговора, не было видно даты. Один действительно походил на городского советника.

Покупательница отдала вторую пластину. Продавец повернул оправу, и отражение расширилось: за стеклянной дверью появилась третья фигура, державшая поднос. Свидетель. Контекст продавался слоями.

— Сколько стоит имя третьего? — спросила женщина.

Продавец показал три пальца, затем коснулся её тени.

Она вздрогнула.

— Только деньги.

Продавец покачал головой.

Женщина ушла, но медные пластины остались на столе. За первый кусок правды возврата не было.

— Что он запросил? — спросила Лея.

— Вероятно, секрет равной ценности, — сказал Кай. — Рынок не любит деньги за завершённый контекст.

Серебряная перчатка одобритительно постучала пальцами

по футляру.

— Инспектор помнит правила.

— Он не инспектор, — сказала Лея.

Кай повернул к ней голову, но промолчал.

— Тем дороже память, — ответил мужчина. — Представимся правильно. На этом ряду меня зовут Лигатурой. Я соединяю фразу с обстоятельствами. Люди приходят ко мне не за ложью. Ложь бесплатна наверху.

— Вы соединили секрет Миры с гибелью Ола Тарена.

— Вы только что принесли мне ещё одно имя.

Лея почувствовала, как Кай напрягся.

Она не повторила секрет, но дала рынку связь. Первая ошибка.

Лигатура коснулся столешницы. Из щели между ящиками выскользнула серебряная нить и потянулась к соседнему ряду.

— Связи возникают, когда их называют, — объяснил он.

— Теперь покупатель сможет узнать, какое отношение реставратор имеет к погибшему.

— Никакого.

— Это тоже связь. Отрицания особенно хорошо продаются: люди платят, чтобы проверить их.

Лея удержала все слова, которые хотела бросить ему в лицо. На Нижней ночи разговор был не обменом мнениями, а выкладкой товара.

Она достала пустую курьерскую накладную и положила на

стол.

— У вас мой груз. Я фиксирую состояние без вскрытия.

— Здесь не действует ваша гильдия.

— Зато действует футляр. Если он не признаёт меня, вы заменили адресную нить. Если признаёт, то обязан показать повреждения.

Лигатура посмотрел на цепь у её руки.

— Осмотр стоит причины, по которой вы забываете лицо.

— Причина известна: цена завершённых доставок.

— Это правило. Я спросил причину, по которой платите именно вы.

На мгновение рынок стал слишком тихим. Лея услышала, как в канале под мостками плещется невозможный полдень.

Она всегда считала потерю свойством ремесла. Курьеры платили памятью, потому что последний образ нельзя было перенести бесплатно. Но на Седьмой станции она увидела, что забытое не исчезало. Кто-то собирал её лица. Если цена уходила на склад, значит, она была не законом мира, а частью устроенного кем-то обмена.

Лигатура знал ответ или продавал видимость знания.

— Осмотр груза не покупка, — сказала Лея. — Вы назвались получателем. Подтвердите право принять его.

— У меня есть зеркало отправителя.

— Это товар. Не право.

— У меня есть ваша печать.

— Это подделанная связь. Не воля.

— У меня есть адрес, который назвал образ.

— Живой человек не становится получателем только потому, что мёртвый произнёс его имя.

По лицу Лигатуры впервые прошла досада.

Кай медленно выдохнул. Лея поняла: он ждал, что мужчина попробует заставить её торговаться, и она вместо этого превратила прилавок в место приёма.

Футляр щёлкнул.

На крышке выступили три курьерских знака: нарушенная нить, повторное вскрытие, несогласованный адресат.

Лея не прикоснулась к нему. Она переписала знаки в накладную и поставила время по своим часам.

— Теперь груз зафиксировал вмешательство сам.

Лигатура накрыл знаки перчаткой.

— Покажите ей, — сказал он кому-то за спиной Леи.

У соседнего прилавка подняли большое зеркало.

В нём была комната Эвена Дора. Нала стояла у окна, ещё закрытого ставнями. Эвен сидел на кровати живой, осунувшийся, с серыми пальцами. Перед ним лежала тень — не его, слишком широкая в плечах.

Зеркало не передавало звук. Продавец выпустил из узкой колбы фразу:

— Если курьер увидит склад, она вспомнит, кому принадлежало её первое лицо.

Голос принадлежал Эвену.

Лея не повторила услышанное. Она смотрела на его рот,

проверяя совпадение. Губы двигались иначе. Эвен произносил более длинную фразу, а тень предлагала удобный обреза́зок.

— Контекст продаётся отдельно? — спросила она.

— Теперь вы понимаете рынок, — ответил Лигатура.

— Я понимаю способ обмана.

— Ничего ложного вам не показали.

Кай приблизился к зеркалу на полшага.

— Где остальная запись?

Лигатура улыбнулся ему.

— Повторите вопрос с именем свидетеля, и я назову цену.

Кай замолчал.

Из-за зеркала вышла девушка с коротко остриженными светлыми волосами. Она несла поднос с тремя тонкими пластинами. На одной Лея увидела Дена Сой, на второй — Ола у грузовой платформы, на третьей — белый нагрудник Инспекции. Девушка поставила поднос перед Каем.

— Одну можно посмотреть бесплатно, — сказала она. — Остальные — за секрет владельца тени.

У Кая не было тени, но рынок вокруг него дрогнул. Тёмная фигура из занавеси проступила под столом Лигатуры.

— Не выбирай, — сказала Лея.

— Я могу узнать, кто убил Ола.

— Можешь увидеть один кусок, выбранный продавцом.

— Кусок может дать след.

— Или назначить виновного.

Он сжал челюсти. Лея видела, чего ему стоит остаться на месте. Перед ним лежала возможность исправить полугодовое молчание одним движением — именно так рынок создавал цену, от которой невозможно отказаться.

— Вы предлагаете владельцу его же секрет, — сказала Лея Лигатуре.

— Я предлагаю контекст.

— Контекст смерти Ола принадлежит не Каю.

— Мёртвые не предъявляют прав.

— Эвен предъявил. Иначе вы не стали бы красть зеркало.

На этот раз Лигатура не улыбнулся.

Кай отвёл взгляд от пластин.

— Я не покупаю.

Девушка собрала поднос. Прежде чем уйти, она едва заметно коснулась ногтем средней пластины — той, где Ол лежал у платформы. На краю блеснул курьерский номер.

Лея запомнила четыре цифры: 7314.

Внезапно с дальнего конца рынка ударил колокол. Продавцы одновременно накрыли зеркала тканью. Тени под ногами покупателей вытянулись в одну сторону.

По проходу двигались люди в белых нагрудниках.

Инспекция.

Но шли они не строем облавы. Каждый нёс закрытый зеркальный ящик, и у каждого на рукаве была серебряная нить продавца. Первый служащий остановился у прилавка с детским голосом, передал опечатанный футляр и получил ма-

ленькую колбу.

Не изъятие. Поставка.

Кай побледнел.

— Это ночная группа хранения, — сказал он почти беззвучно. — Они должны перевозить конфискованные тени в глухие камеры.

— Они и перевозят, — ответила Лея. — Только камеры стоят здесь.

Один из служащих повернулся. Лея узнала дежурного, который час назад требовал оставить ящик Миры снаружи. Он ещё не увидел их, но шёл прямо к прилавку Лигатуры.

Лигатура взял футляр Эвена.

— Осмотр завершён. Теперь доставка продолжится.

Цепь на руке Леи резко потянула её за прилавок. Там открылся четвёртый проход — узкий мост над каналом полуденного света.

— Я не приняла новую точку.

— Зато груз принял вас.

Лея упёрлась ладонью в стол. Холодная цепь впилась в кожу. Кай схватил футляр с другой стороны, и серебряная перчатка на мгновение оказалась между их руками.

Под тканью Кай отбрасывал тень.

Она лежала на столе отдельно от него и держала футляр третьей ладонью.

— Ты хотел узнать, почему она предала, — сказал Лигатура. — Спроси сейчас.

Тень Кая разомкнула рот.

Лея ударила пустой накладной по серебряной нити. Бумага вспыхнула белым: незавершённая доставка потребовала указать следующего законного хранителя. На мгновение все связи стали видимыми.

От футляра Эвена тянулись три нити. Одна — к Лее. Вторая — к Лигатуре. Третья уходила через рынок к белому ящику в руках ночного служащего.

Вот зачем рынок впустил их. Не продать секрет и не вернуть груз. Замкнуть официальный путь так, чтобы украденное зеркало снова оказалось в Инспекции уже очищенным от следов рынка.

Лея провела краем печати по третьей нити.

Она не могла разорвать чужую доставку, но могла потребовать подпись принимающей стороны.

— Получатель! — громко сказала она. — Подтвердите имя.

Служащий вскинул голову.

Рынок вокруг замер. Имя здесь было дороже любого секрета.

Он понял ловушку и бросил ящик. Третья нить ослабла.

Кай вырвал футляр из рук Лигатуры. Его тень скользнула следом, но не напала — лишь коснулась чёрного пореза на ладони, словно проверила, существует ли он.

— На мост, — сказал Кай.

— Это маршрут Лигатуры.

— Зато не Инспекции.

За спиной раздался свисток. Белые нагрудники двинулись к ним, продавцы начали снимать ткани с зеркал. Сотни чужих последних образов вспыхнули по обе стороны прохода. Тени заговорили одновременно.

Лея не слушала слова. Она слышала только устройство рынка: фраза, образ, нить, покупатель. Правда, разрезанная на части и снова собранная для того, кто заплатит.

Они выбежали на мост. Под прозрачными досками плыл полдень Велина. Лея увидела сверху площадь, людей у фонтана и Миру, спешившую домой с пустыми руками. Расстояние между ними было толщиной в одно отражение.

Впереди мост разделялся надвое.

Кай прижимал футляр к груди. За его плечом по мосту бежала собственная тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.